

Невеста герцога Ада

Автор:

София Мещерская

Невеста герцога Ада

София Мещерская

Дэлия Мор

Говорили мне, не поминай черта на каждом шагу, но куда там. Распустила язык. Теперь я занимаю место умершей дочери старшей ведьмы Белого ковена, которую тоже убили. Да еще и связана договором на крови с самим герцогом Ада. Тот еще демон, ага. Рядом столько тайн и интриг, что впору бежать без оглядки. Только куда? Хотелось бы домой, но посмотрим, как получится. Обложка создана Ольгой Волковой aka Перекресточек с использованием изображений с сайта shutterstock.

Глава 1. Славный город Брамен и его ведьмы

Чертыхалась я с самого утра. Посылала всех, кто меня раздражал, к дьяволу, грозила муками Ада, и поминала нечистого по любому поводу. Дрянной выдался день. Бесконечно богатый на лютое невезение и злой рок. Начиная с того, что я обожгла язык горячим чаем и заканчивая изменой моего парня.

Да, мне наставили рога. Нет, я, как наивная лань, ничего не подозревала до последнего. Стыдно было копаться в чужом телефоне и не возникало желания проверять контакты Жени в социальных сетях.

О, Васильев Евгений Александрович был популярной личностью. Мажор, как сейчас говорят. Сын владельца пилорамы и хозяйки сети косметических салонов. Когда мама, ошавев от расходов сына, посадила его на голодный паек, Евгений пошел к отцу и через полгода вернулся обратно. Учиться не хотел, мотался по клубам, баловался запрещенными веществами и жил на всю широту своей подлой души. Почему я на него запала? Так красавец, каких поискать. Спортивное тело с умопомрачительным рельефом мышц, модные шмотки и обаятельная улыбка. Джонни, как его звали все знакомые.

И вот этот самый Джонни привел на гулянку в квартире наших общих друзей какую-то выдру драную. Сначала час курил с ней на балконе, а потом сосался у всех на глазах. Мне, конечно же, сразу позвонили добрые друзья и сообщили из самых лучших побуждений об измене бойфренда. Я примчалась на первой же маршрутке и устроила скандал. От души, с размахом и на всю улицу. Соседи даже вызвали полицию и яростно долбили по батарее.

Мы расстались. Джонни сказал, что я – дура, каких поискать. И если бы не носилась со своей девственностью, то все бы получилось. В ответ я расцарапала ему рожу и оттащила за волосы его выдру. Да катятся они ко всем чертям. Прямо на девятый круг Ада. Или сколько их там?

Девять, точно девять. И мой первый начался прямо сейчас.

От нервов меня затошнило в маршрутке, и я вышла на свежий воздух где-то в лесополосе на окраине города. Тополя шумели на ветру по-осеннему голыми ветвями, и противно каркала ворона. Да уж, в любом фильме ужасов есть зловещая черная птица и кладбище. Например, как это с подозрительно старыми и полуразрушенными памятниками. Черт, где я?

Черт ответил, но очень уж своеобразно. Я запнулась о торчащие из земли корни и со всей дури жакнулась головой о могильную плиту.

Сон, как обычно, кончился на самом интересном месте. Первая часть с проклятым изменщиком еще могла сойти за банальность, а старое кладбище уже было перебором. Вроде фильмов ужасов давно не смотрела и ничего такого не читала, а поди ж ты.

– Селеста! – позвал взволнованный женский голос. – Хвала белой магии, получилось! Дочка, открой глаза!

Телевизор, что ли, забыли выключить? Еще и выкрутили на полную громкость, голова лопалась. Сейчас как встану, как обматерю драгоценного братца. Хотя с каких пор шкет смотрит женские сериалы? Бразильские, судя по имени.

– Селеста, – продолжала звать мыльнооперная героиня, а вот за руку трясла точно не она. Ну, все, Егорка, доигрался.

– Отвянь, – буркнула я и открыла глаза.

Нет, телевизор не примотали к спинке кровати, просто на меня уставилась женщина возрастом чуть-чуть за сорок. Худощавая блондинка вся в мелком каракуле лихо закрученных волос. На шее бижутерия, платье, как из театра, а в руках пучок травы.

– Дочка, – прошептала она и разрыдалась, – живая, девочка моя.

– Да уж, не мертвая. Только я не ваша дочь. А кто вы, собственно, и что тут делаете?

Хотя уместнее было спросить, что я тут делала? Комната, будто декорация к спектаклю. Антикварная мебель, замысловатый декор, но запах трав настоящий. Да такой густой, что защипало в носу и захотелось чихнуть.

– Меня зовут Изабель Дюбуа, – как-то уж очень серьезно ответила женщина и вытерла лицо длинным рукавом. – И раз ты не моя дочь, то назови себя.

Ха! Быстро сориентировалась. Меня в какой-то квест засунули? А почему не разбудили перед этим? И кто притащил в декорацию? Пашка с Ленкой? Или среди друзей-родственников другие любители розыгрышей завелись?

– Ольга Паустовская, – представилась я, – дату рождения и место жительства называть?

Женщина кивнула, еще больше помрачнев. Я что-то не так говорю? Ну, извините, сценарий перед обмороком не прочитала. Лажаю.

– Двадцать второе марта, – на всякий случай уточнила я. – Подождите, а где я? Давайте до конца выясним ситуацию, тут явно какая-то ошибка. Понимаете, я на розыгрыши не подписывалась. Мне домой нужно.

– Ваш дом очень далеко, Ольга, – холодно ответила женщина. – Там, где теперь моя дочь Селеста. Её убили вчера ночью. Я не успела оплакать потерю, как взялась за ритуал. Когда-то моей бабушке про него рассказывала её бабушка, а ей другая бабушка, но сохранилась только одна запись. Может быть, я неверно истолковала древний язык. Вы правы, я ошиблась. Вместо души Селесты вытянула из Края усопших вас. Простите, что нарушила ваш покой.

– Дурдом! – громко прокомментировала я. – Предупредила ведь, что не в курсе сценария, замысла, планов и так далее. Я не ваша актриса, я – посторонний человек. Хотя хватит уже. Я сама уйду.

Я откинула одеяло и рванулась встать, но запуталась ногами в длинной сорочке. Черт! И не лень же было переодевать! Черт! Черт! Я под сорочкой совершенно голая!

– Верните одежду, – начала я злиться. – Это уже не смешно! Сядете за воровство и насильственное удержание в плену!

– Тише, – замахала руками женщина. – Я не воровка. Ваша одежда осталась в вашем мире. Перенеслась только душа. Вы в теле моей дочери. Тише, а то нас услышит Филипп. Он не знает еще о смерти Селесты. Прошу вас, успокойтесь.

Она чокнутая? Я все-таки в дурдоме? Кучеряво нынче психи жили на казенные деньги. Театрализованные представления разыгрывали, пьесы сочиняли. Затеяники. Куда там анекдотам, в реальности покруче все обстояло. Где тут Наполеон с Жозефиной? Лишь бы не к буйным угодить, а то я девушка хрупкая, не отобьюсь толком. Глаза могу выцарапать, за волосы оттащить, но боевые искусства видела только в фильмах про Чака Норриса и Ван Дама и те помнила

плохо. Отец их любил, а я мультики в то время смотрела.

– Хорошо, я легла, – решила подыграть психопатке, дабы выиграть время на раздумья. – Видите? Успокоилась. Давайте еще раз. Где я?

– Альмадинское королевство, – начала издалека Изабэль, – город Брамен, дом семьи Дюбуа.

– Ага. Эпоха? Век? Год?

– Сто пятьдесят шестой от воцарения рода Альмадинов. Ольга, я хочу, чтобы вы поняли и постарались меня простить. Я не могу вернуть вас обратно, вам придется остаться моей дочерью до конца её земной жизни, хотя я теперь не знаю, сколько ей отмерено, раз я провела ритуал. Белая магия никогда не отзывалась на мои мольбы так щедро. Может, всему виной боль от утраты? Моя Селеста. Моя любимая дочь. Как же жестоко меня наказали! Не живая и не мертвая. Чужая. Что же теперь будет? Верховная в ярости, Ковен в ярости, инквизиция... А Филипп? О, Филипп никогда меня не простит.

Женщина разрыдалась, а я мечтала не поехать крышей окончательно. Круто мат.часть продумали. Королевство, магия, инквизиция. Стоп.

– Вы ведьма, что ли?

– Да, – кивнула Изабэль. – Охранительница. Так называют тех, кто ставит защитные чары. Силой с Верховной не сравнюсь, но место в Белом ковене занимаю достойное. Селеста была целительницей.

– Доктором, значит. А Филипп? Он этот, как его... ведьмак?

Изабэль пересела на кровати дальше от меня и сложила руки на коленях. Красивые руки, как у модели. И, кажется, я ошиблась на счет сорока лет. Ей не больше тридцати пяти, а на вид так вообще двадцать, просто накрашилась повзрослому. Слишком густо. Брови нарисовала, напудрилась, румяна тоже положила.

– Филипп – мужчина, – Изабэль сообщила очевидный факт, как откровение. – оН не ведьмак и даже не Темный колдун. Белая магия в роду передается только от матери к дочери. Мужа ведьма вольна выбрать себе любого. Хоть каменщика, хоть плотника.

– Демократия, чё, – восхитилась я. – Гляди-ка, прогрессивное королевство, не дремучее средневековье. А вместо лампочек в люстре обычные свечи. Кстати, респект за обстановку. Аутентично аж жуть. Прямо каждая мелочь, как из музея.

Изабэль снова нахмурилась, и я примирительно подняла руки, откинувшись обратно на подушку. Молчу, не мешаю. Дверь-то вон там, за её спиной. Осталось отправить заботливую маму за водой и дать деру. Надеюсь, замки тут не амбарные. Если что, можно окно выбить. Из кровати не видно, какой этаж, но психбольниц на десятом этаже не бывает. Дурики народ резкий и дюже внезапный. Чуть санитары глазом моргнут, они в окно. Так что близехонько мы от земли. Стулом раму выбью, и нет меня в этом бреду.

– Продолжайте, продолжайте, – разрешила я Изабэль, – очень интересно.

Ведьма задумалась, будто я её отвлекла, а потом встала с кровати и пошла к шкафу. Когда распахнула дверцы и начала снимать коробки, я чуть не подпрыгнула. Книжки! Настоящие музейные реликвии, написанные от руки! Да они немислимы денег стоили, кто мог доверить такое сокровище психам? Здесь явно что-то не так.

Пока Изабэль шуршала пергаментными страницами, я слезла с кровати и крадучись пошла к окну. Этаж, к сожалению, не первый. Второй. Снаружи все те же отменно выстроенные декорации и массовка в исторических костюмах. Ни кинокамер, ни суеты членов съемочной группы. Словно я на самом деле внутри фильма или другого мира.

Последняя мысль показалась совсем дикой. О путешествиях во времени и параллельных реальностях я читала в фантастических книгах. Мечтала в юности о приключениях, но никогда всерьез не думала, что буду делать, окажись в пятнадцатом веке. Черт, когда Гуттенберг изобрел печатный станок? Явно позже, если судить по книгам Изабэль. Здесь кругом дремучее средневековье. Лошади, повозки, камины, платья в пол и удобства на улице. Нормального стекла и то нет. Мутное нечто. И вроде не было в нашей истории такого

королевства. Летоисчисление странное. Тогда почему по-русски говорим? Имена-то французские. Изабэль, Селеста, Филипп. Ну, дурдом же! Или нет?

Я схватилась за голову и простонала, а на грудь упали темные волосы. Густые, кудрявые и совершенно не мои. Руки тоже чужие. Пальцы длинные, запястья настолько тонкие, что надави посильнее – переломятся. Слишком много изменений для пластических операций, обычно там над лицом колдовали, а тело не трогали. Я придирчиво ощупывала нос, уши и губы. Не моё. Хоть убей не моё! Зато, какое все реальное. На кому не спишешь. Босые ноги замерзли на дощатом полу, от запаха трав кружилась голова. Неужели я, действительно больше не я?

– У вас есть зеркало, Изабэль? – спросила, готовясь принять версию о переселении в чужое тело с помощью магического ритуала.

Если не узнаю себя в отражении, то... не знаю что. Пока. Ведьма открыла книгу на странице с черно-белой иллюстрацией и удивленно моргнула.

– Зеркало? А что это?

– Ээээ, а куда вы смотрите, когда расчесываете волосы? – попыталась объяснить я.

– О, есть бронзовое блюдо. Я попрошу Жизель принести.

Она потянулась за колокольчиком на столе, но передумала. Правильно, хватит с меня одного собеседника, голова и так гудит.

– Сама поищу. Позже. Знаете, Ольга, нам придется скрывать вас. Да-да, это совершенно необходимо. Как воздух. Ритуалы переселения душ запрещены, но я, кажется, уже говорила. Или нет?

Изабэль прижала открытую книгу к груди и так тяжело вздохнула, что мне стало не по себе. С момента нашего знакомства ведьма побледнела до оттенка серой мешковины и едва держалась на ногах. Да, я уже всерьез называла её ведьмой, но себя по-прежнему ощущала психом. Попросить, что ли, магию показать? Фокус – не фокус, а настоящее чудо меня бы убедило. Наверное.

– Пожалуйста, Ольга, называйте себя Селестой, – умоляюще взглянула на меня ведьма. – Даже перед слугами. Иначе нас обоих ждет сожжение на костре. Святая инквизиция не признает переселения душ. Они считают, что это доступно только демонам. Я прошу вас молчать. Всего пару дней, а потом я решусь все рассказать Аморот. Верховная ведьма мудра, она знает, что делать. Мы доверим вашу тайну только Жизель. Девочка немая от рождения. Она поможет одеваться и будет подсказывать в любых затруднениях. Жестами, конечно, я покажу, вы запомните.

Изабэль заметалась по комнате, не зная, куда положить книгу. То отнимала её от груди, то снова прижимала и гладила корешок. Говорила она давно так, будто бредила от высокой температуры.

– А еще лучше, если мы вас спрячем! Да! Завтра Совет Междумирья, а там есть союзник. Нет, он мог бы стать союзником, вздумай я довериться. Демонам нельзя верить. Даже Данталиону. Особенно мессире Данталиону. О, Белая магия!

Черт, у неё истерика! Ладно, хорошо, досконально проверить версию с переселением душ я могу позже, а сейчас допустим. Только допустим! Что чисто теоретически я могла оказаться в другом мире и в чужом теле. Это действительно королевство Аль... аaaaa, как его там? Не важно. Здесь есть белая магия, демоны и кучка ведьм, почему-то орудующая прямо под носом у инквизиции. Вчера ночью дочь охранительницы Изабэль убили, и теперь безутешная мать вдобавок к своему горю думает, что делать с ожившим трупом, одержимым чужой душой. Жуть! А самое главное, что вздумай я орать и проситься домой, как тут же окажусь под пристальным вниманием святой Инквизиции. И если верить книгам моего мира, то они отправляют на костер всех подряд, особо не церемонясь. Мне же достаточно ляпнуть чего-то не того и все. Гореть буду синим пламенем. Черт! У меня сейчас тоже случится истерика! Да она уже здесь!

– Изабэль, – дернулась я. – А нельзя спросить совета у мудрой ведьмы вот прямо сейчас, а? Не дожидаясь двух дней? Вдруг ритуал можно отменить и вернуть меня обратно?

– Нет, – всхлипнула она и крепче обняла книгу, – нельзя! Вас можно убить и тогда вы точно вернетесь в Край усопших.

– Стоп, стоп, стоп! – взвизгнула я и замахала руками. – Убивать не нужно! Я в Край усопших точно не хочу. Давайте обойдемся без новых экспериментов. Тихо, мирно, интеллигентно скажем: «Окей, Гугл» или в вашем случае: «Окей, Аморет. Как нам выбраться из этой задницы?». Верховная ведьма пораскинет умными мозгами, почитает толстые книги и выдаст нам рецепт другого ритуала или зелья...

– Нельзя к Аморет, – резко и крайне внезапно заявила Изабэль. – Верховная сдаст меня инквизиторам, чтобы отвести беду от Ковена. Не посмотрит, сколько лет я служила и сколько добра сделала. Нет. Мы попросим помощи у демона. Герцога Ада. Отправимся завтра вместе на Совет Междумирья и попросим.

Я кое-как добралась обратно до кровати и почти рухнула на неё. Отборнейший бред даже для мира, где есть магия. Почему-то поверив в параллельную реальность, я не перестала считать Изабэль сумасшедшей. Конечно, боль от потери близких и не такое с людьми делала, но слишком уж фанатично загорелись её глаза. Никак взаправду душу дьяволу продавать собралась?

– И чем поможет демон? Да еще и герцог Ада?

– Он вхож в Край усопших, – совершенно серьезно ответила она. – Может быть, если я предложу достаточно высокую оплату, он поменяет вашу душу обратно на душу Селесты.

– Опачки! А меня куда? Домой?

– Нет, – жестко и совсем не так ласково, как прежде, ответила ведьма. – Вы умерли, Ольга. Вас похоронили, отвязав душу от тела, иначе вы бы не оказались в Краю усопших.

Меня будто сковородой огрели по затылку, а потом засунули в холодильник. Люто. Никогда прежде не задумывалась о смерти, а теперь слушала Изабэль и представляла, как плакала мама над гробом. Как брат обувал мне белые туфли и тайком подкладывал старые игрушки. Плюшевого медведя, с которым я спала, пока брат не появился. Отец, наверное, две пачки выкурил и нес гроб вместе с дядей Антоном и коллегами с работы. Меня похоронили. Закопали и забыли. Девять дней, сорок, сколько прошло? Если Изабэль права и душа обитала в ином мире, то больше сорока. Год? Сто лет?

Я чужое тело чувствовала, как свое. Дышала, говорила, нервничала. Какое еще чудо я ждала от ведьмы, если меня воскресили? Ну, или просто перенесли чужую душу, не суть. Я не хотела умирать. Съёмки кино, психушка, кома, глюки, параллельный мир – во всех версиях и при любом доказанном варианте я хотела жить. А значит, придется принимать чужие правила до тех пор, пока я не пойму, как их можно обойти.

– Хорошо, – кивнула я, – давайте найдем герцога Ада. Если мужик толковый, может, правда что-то подскажет. Не зря же он герцог.

Глава 2. Семейство Дюбуа

День богатых горожан в славном городе Брамене начинался с обеда. Утром все отсыпались. Именно поэтому, кстати, наше с Изабэль уединение до сих пор не нарушили даже слуги со своим: «Кушать подано». Рано было еще кушать. Кухня только развела огонь под огромными котлами, и с первого этажа едва заметно тянулся аромат съестного. Кажется, варили суп. Надеюсь, в параллельной реальности знали, что это такое и не подавали кузнечиков на завтрак. Не хотелось привыкать к экзотической кухне. Должны же здесь расти овощи. Должны, куда они денутся? Я до сих пор не увидела серьезных бытовых различий между нашими мирами. Книжки, платья, обстановка в доме будто позаимствованы из учебников истории, только эпохи перепутаны. Корсеты не жаловали, обходились тугой шнуровкой на лифе платья или длинным рядом пуговиц. Вместо кринолинов носили пышные юбки, а самой сложной причёской оказался пучок, собранный из кудряшек на голове Изабэль. Хвала местным богам! Значит, серьезных неудобств мне маскировка под Селесту Дюбуа не доставит, а к кружевным панталонам вместо привычного нижнего белья можно привыкнуть.

Слуги одевались еще проще. Вызванная с первого этажа Жизель примчалась к хозяевам в одной рубашке и накинутом поверх неё балахоне, прихваченном поясом под грудь. Немая девушка оказалось занятой. Выслушав сбивчивые объяснения хозяйки про то, что в теле мадемуазель Селесты теперь гостья из другого мира, которую нужно прятать от семьи и всячески ей при этом помогать,

девица только безразлично кивнула. Вот так просто: «Да, мадам». С ума сойти можно. Я поначалу решила, что она тупая, как пробка, и не въехала в суть проблемы, но Жизель схватывала на лету. Одевала меня, кстати, еще быстрее. Молча. Совершенно невозможно. Клад, а не служанка!

Красивая очень. По ней и не скажешь, что девка деревенская. Огромными глазами Жизель напоминала газель, а фигурой трепетную лань. Никак согрешила её матушка с аристократом, иначе откуда все? Хотя, горожанка Селеста пышными формами тоже не отличалась. Я расстроилась чуть ли не до слез, когда увидела маленькую девичью грудь. Теперь уже мою. Пока немая служанка завязывала на мне пояса юбок, я все смотрела и смотрела в вырез сорочки. Да уж, после переселения душ красоты стало меньше. Хотя круглое личико Селесты вполне могло приглянуться местным мужчинам. Глаза даже больше, чем у Жизель, губы полные, нос маленький и аккуратный, а волосы – настоящая мечта. Когда служанка заколола локоны шпильками на затылке в подобие цветка, держать голову вертикально стало сложно. Тяжелая получилась прическа. Юную Селесту изрядно портила, добавляя годков эдак пять.

– А сколько вашей дочери лет? – спросила я Изабэль, до сих пор шуршащую страницами книг.

– Мы считаем веснами, – занудным голосом отозвалась ведьма, – Селеста недавно встретила семнадцатую.

Черт! Малолетка! Я надеялась хотя бы на восемнадцать. Пунктик у меня был на счет совершеннолетия. В мои-то двадцать, ха-ха. Нет, ну не в ребенка же было переселяться? А если мне кто-нибудь из местных мужчин понравится? Краснеть и держаться за ручку, пока тело не повзрослеет до наших норм? Я, может, целоваться хочу. Однако средневековые же. Здесь с этим наверняка проблемы. Мораль, чтоб её. До свадьбы ни-ни. Кстати об этом.

– И Селесте замуж пора, да? – задала я провокационный вопрос. – Или вы разрешили дочери учиться в каком-нибудь Университете?

– Замуж, – задумчиво кивнула ведьма, – Конечно, Селесте нужно замуж. Филипп и Камилла все уши мне прожужжали, что я воспитываю перестарка и её сверстницы давно деток нянчат. Зачем мы сейчас говорим об этом? Ольга, у нас

с вами беда куда хуже. Совет Междумирья и будущий союз с герцогом Ада. Посмотрите, я нашла рисунок в книге по демонологии. Так выглядит мессир Данталион в своем истинном облике.

Изабэль положила мне на колени книгу с гравюрой и я чуть не заорала на все Альмадинское королевство. Mamочка дорогая, страшнее существа я не видела! Даже если иллюстрация – художественное преувеличение, ну до чего же он мерзкий! Когтистые лапы, витые рога, кожистые крылья, вместо глаз черные провалы. И что там под длинным балахоном ниже пояса? Козлиные ноги? Черт! Нет, демон! Командующий тридцатью шестью легионами таких же демонов. Великий и ужасный герцог. Мессир.

Под гравюрой было краткое перечисление его выдающихся достоинств и умений. Ой, кошмар, да он мысли людей читать мог! Еще и менять их по своему усмотрению. Внушать любовь или будить самые низменные инстинкты. Вот так щелкнет пальцами, и ты то плачешь, то смеешься, а потом и вовсе в ногах валяешься и молишь о пощаде. С ним мать покойной Селесты собралась какие-то дела иметь? Серьезно? Нет, она точно сумасшедшая!

– Он ужасен, – честно призналась я. – На него смотреть тошно, не то, что стоять рядом и разговаривать.

– Хорошо, что вы так думаете, – обрадовалась Изабэль. – Для белой ведьмы попасть под чары демона – позор. Мессир весьма коварен, и когда почувствуете влечение к нему, бегите без оглядки. Я возьму все свои защитные амулеты, но если герцог Ада захочет, мои чары рассыплются прахом.

– Как же вы с ним договариваться собрались?

– Есть один способ, – лукаво улыбнулась Изабэль, из безутешной матери вдруг превратившись в обычную ведьму. Такую же хитрую и коварную, как один из высших демонов. – Но вам не стоит про него знать. Хватит того, что я рискую всем.

Значит, использовать меня будут втемную. Скверно. Еще не известно, кто из них опаснее. Изабэль хочет обратно душу Селесты, а вдвоем мы в одном теле не удержимся. Не убьет, так выгонит в мир мертвых. Добрая мамочка. Но сама я сделку с герцогом Ада не потяну. Даже соваться к нему не стану. Хватит одного

козла и морального уродя, который кинул меня накануне смерти. Чтоб тебе сквозь землю провалиться, Васильев Евгений Александрович!

К обеду трескотня Изабэль над ухом начала утомлять. Ведьма будто пыталась запихнуть в меня перед Советом как можно больше информации, но я практически все пропускала мимо ушей. А то, что все-таки осело в памяти, можно было уместить в пару предложений. Местная религия мало отличалась от нашей за исключением одной исключительно важной детали. Рая не существовало. Ангелов, небес, неспешных прогулок по облакам и вечного блаженства не было. Совсем. Зато был Ад с девятью кругами, демонами, страданиями грешников и так далее. Круто, да? То есть соблюдать заповеди и жить праведно не очень нужно. Ты в лучшем случае затеряешься в Краю усопших. Обретешь вечный покой. Не слишком радужная перспектива, ну да ладно. Зато для тех, кто решил перед смертью знатно покурлесить, открывались те самые двери, на которых написано: «Оставь надежду всяк сюда входящий». А внутри и знаменитый город Дис, и огненная река Флегетон, и ледяное озеро Коцит с обитающим в нем Владыкой Ада. Местные просто взяли Божественную комедию Данте и верили в неё. Или если уж всерьез потакать шизофрении, то Данте совсем, как меня, чудом занесло сюда, потом вернуло обратно, и мужик, изрядно обалдев от творящихся здесь непотребств, накопил свой бессмертный труд. С ума сойти можно! Но как водится, это было еще не все.

Люди жили и не знали, что кроме их мира, Ада и Края усопших существовал еще один сопредельный мир с Темными колдунами. О, тут мой мозг закипел и чуть не взорвался! Я никак не могла совместить подобное откровение ни с чем другим, знакомым мне. Тройка «Ад – Земля – Мир Темных» просто не могла существовать одновременно. Или Рай с Адом, но тогда никаких ведьм и магии. Или хорошие Белые ведьмы и злые Темные колдуны, как в обычном фэнтези. И никакой дополнительной религиозной нагрузки. А чтоб одновременно – никак. Черте что выходило, как не крути этот пазл.

– Изабэль, – не вытерпела я, тормознув ведьму на середине рассказа про колдунов, – как люди-то разбираются в этой каше? Крыша не едет?

– Люди не знают, – вздохнула Изабэль. – По договору между мирами наша церковь хранит все в строжайшей тайне. Так лучше для всех.

Я уже открыла рот, чтобы поспорить, а потом задумалась. Если люди одинаковы в обоих мирах, то так действительно лучше. Ведь жгли под радостные возгласы толпы, колдунов боялись и ненавидели. Да, церковь много сделала для создания образа врага, но семена упали на благодатную почву. И раз уж теперь я тоже ведьма, то не стану ходить по Брамену и кричать на каждом углу, что мир не такой, каким его принято считать.

– А колдуны тоже уродливы? – задала я наивный вопрос.

– Нет. Они выглядят, как люди. Как мы с вами, Ольга. Вам доведется свести с ними близкое знакомство. По традиции именно Темные колдуны помогают ведьмам Белого ковена переступить через грань миров и появляться на Совете Междумирья.

– Круто, – вздохнула я и расстроилась. Полдня слушаю про магию, а даже крошечной искорки магического огня не видела. Хоть записывай Изабэль обратно в психи. – А что умеют колдуны?

– Они не рассказывают, – грустно улыбнулась ведьма. – И стараются попадаться нам на глаза как можно реже. Мир людей – наш мир. Исчадиям Ада и слугам Темных колдунов здесь не рады. По мне так лучше бы их вовсе не было, но Ковен слишком слаб, чтобы диктовать свои условия.

– Защититься-то хоть как-то можно? Или вы всем Ковеном надеетесь, что не тронут?

Ведьме вопрос не понравился. Она поджала губы и долго гладила книгу по затертому корешку.

– От Темных нас защищают демоны, а от демонов церковь и святая Инквизиция.

Тут у меня челюсть окончательно отвисла. Лихо закручена местная политика, ничего не скажешь. Знаменитый тост про черепаху, змею и женскую дружбу нервно курит. Все против всех и зорко следят, чтобы никто не передрался. Здорово. Великолепно.

– И все-таки, – не унималась я, мечтая хоть краем глаза увидеть настоящую магию. – Среди ведьм ведь есть охранительницы, чем они занимаются?

– Мы защищаем людей, – гордо ответила ведьма. – В жизни достаточно бед кроме демонов и колдунов. Плохой урожай, тяжелые роды, лиходеи, мечтающие поживиться чужим богатством. В моем доме много охранных символов и три охранных купола. Все, что я могу сделать для своей семьи.

– А посмотреть можно?

Изабэль кивнула и пошла к окну. Я ожидала увидеть спецэффекты, как в фантастических фильмах: светящиеся символы, голограммные надписи или натуральное силовое поле. Но ведьма просто отодвинула занавеску и показала две буквы, накарябанные на деревянной раме.

– И? – недоуменно хлопнула я ресницами. – Это все?

– Да, – кивнула она, возвращая занавеску на место. – Мы должны быть незаметными, помните?

Да уж. Уровень маскировки впечатлял. Черт, какой прок от магии, заклинаний, амулетов и того подобного, если на деле это каракули, вырезанные ножом?

– Чувствуете что-нибудь? – сосредоточенно сдвинув брови, спросила Изабэль, будто только что наколдовала приворот или навела порчу. Я удивленно ощупала лиф платья, провела ладонями по юбке, потрогала пряди волос в причёске.

– Нет. Ничего. Голова не кружится, странных желаний не появляется. А что должно быть?

– Родовая магия, – тяжело вздохнула ведьма. – Я прикоснулась к кокону, вы могли слышать тонкий свист или почувствовать дуновение ветра. Я надеялась, что раз тело дочери живо, то и сила осталась при ней, но нет. Жаль.

Я аж заерзала на стуле. Как сразу не подумала? Ожившая Селеста по-прежнему дочь своей матери-ведьмы.

– А если попробовать полечить кого-нибудь? Вдруг получится?

Изабэль прикусила губу и долго молчала, разглядывая домотканое полотно занавесок. Знаю, огорошила. Моя очередь нести бред и верить в несуществующее. Тут ведь глобальные вопросы мироустройства вылезали. К чему привязана магия ведьм? К телу или к душе? Если она родовая, то логично, что к телу. Или нет? Нужно проверить! Хоть себе руку режь и выискивай в колдовских книгах, как лечить царапины. Я уже смотрела на ножницы, но Изабэль опередила.

– Жизель! Подойди ко мне, дитя.

Служанка встрепенулась и перестала изображать предмет мебели у стены. Мамочки, надеюсь, ведьма не собирается её увечить в качестве эксперимента? Живой ведь человек, жалко!

– Руку! – приказала Изабэль и от нетерпения сама схватила служанку, достав из кармана длинную иглу. Немая Жизель даже не пикнула, когда на подушечке пальца алой бусиной начала собираться капля крови. Уф! Вполне гуманно.

– Ольга, а теперь попробуйте вылечить рану.

– Да она сама уже затянулась! Чего там лечить? Слишком маленький прокол.

Вместо ответа ведьма, как лаборантка в поликлинике, сдавила палец служанки, и капля стала больше. Понятно. Окей, буду корчить из себя Айболита. В конце концов, это моя идея.

– У собачки заболит, у кошечки заболит, – начала приговаривать я, вспоминая, как мама лечила в детстве. А как еще? Не зеленкой же обрабатывать прокол и пластырь лепить. Магически должно затянуться. То есть само. – У птички заболит, а у Жизель пройдет.

Капля меньше не стала, хотя я очень старалась. Махала руками, громко говорила и всячески представляла, как боль проходит, и ткани эпителия рубцуются в месте прокола. На мгновение даже показалось, что правая ладонь зачесалась. Вдруг с неё сорвалось заклинание?

– Ну как? Получилось?

Изабэль снова сдавила палец несчастной Жизель и даже скovyрнула успевшую загустеть каплю, но новой крови не появилось. Ура? Ура?!

– Да, – тихо ответила ведьма. – Получилось. Я почувствовала родовую магию. Странно, что вы опять ничего не заметили.

Ох, ну не чувствительная я, что поделать? Я все еще смотрела на служанку и не верила. Вот так жила себе жила и вдруг бац – Кашпировский. Или Алан Чумак. Руками поводила, на воду подула, и все больные сразу исцелились.

– А можно еще раз? – с восторгом прошептала я. – Только Жизель отпустите, давайте мне руку порежем.

Ведьма посмотрела на меня, как на дуру. Натурально скривилась и одарила взглядом, полным осуждения. А что я такого сказала? Ну, да, служанка для меня – не рабыня и не вещь, чтобы обращаться с ней, как вздумается.

– Я на себе хочу упражняться.

Изабэль поджала губы и села на табурет. Да, я вредная и упрямая, но другой души в теле умершей дочери нет. Придется терпеть.

– Вы не можете лечить себя, Ольга, – будто приговор зачитала ведьма. – За Белую магию приходится платить высокую цену. Тот, кто врачует, сам болеет. Охранители уязвимы для чужих чар, а убежденцы всегда на грани безумия. Аморет владеет даром убеждения. Её род много веков приближен к королевской семье, а супруг состоит в городском совете. Но я уже забыла, когда Аморет в последний раз колдовала. Верховной она стала по заслугам, а не по воле Белой магии. Хоть в Ковене и принято считать иначе.

Да уж. Неприятная новость. Я губу раскатала, великим целителем стать собралась, а тут облом. Ну, правильно, наверное, равновесие сил, закон сохранение энергии или другие важные механизмы, но обидно ведь. Подышать буду и сама себе не помогу.

– Грустно. Как же вы тогда купола на дом повесили, раз сами себя защитить не можете?

– То простые купола, – махнула рукой ведьма, – Защиту от чар нам ставила Камилла. Моя сестра и третья в роду после меня и Селесты. Жаль, не помогло. Кто-то принес яд и напоил мою дочь. Я не хотела просить вас об этом, но все же скажу. Ольга, помогите найти убийцу Селесты. Я буду бесконечно признательна. Да и вам не помешает. Тело моей дочери может умереть во второй раз.

– Без вопросов, – решительно закивала я. – Только что я могу?

– Пока ничего. Я передумала прятать вас от семьи и Ковена. Убийца не ожидает увидеть Селесту живой. Мы покажем вас всем и будем искать тех, кто удивится или испугается. Другого выхода я не вижу.

План не то чтобы гениальный, но мог сработать. Раз дом защитили по высшему разряду, значит внутрь с дурными намерениями мог прийти или кто-то из своих, или кто-то ну очень крутой. В любом случае этот нехороший человек все еще рядом и опасен.

– Хорошо. Когда у нас обед? Я зверски голодна.

– Спасибо, Ольга, – улыбнулась ведьма. – Жизель, вели накрывать на стол.

Молчаливая служанка поклонилась и ушла.

На обед я спустилась вместе с Изабэль, но на два шага позади неё. Лестница протяжно скрипела давно рассохшимися ступенями, полумрак разгоняли свечи в подставках на стене, а из столовой пахло не так чтобы очень вкусно. «Ты не в ресторане», на всякий случай напомнила я себе и сосредоточилась на только что обретенных, но все еще чужих родственниках.

Филипп Дюбуа сидел во главе стола на месте номинального хозяина дома. Темные волосы Селеста получила в наследство от него. И только их. Характером юная ведьма пошла в мать. Я уже знала по рассказам Изабэль, что тучный, лысеющий и полноватый Филипп был подкаблучником. За мужчин другого типа ведьмы замуж просто не ходили. Любой тиран, деспот и любитель грохнуть кулаком по столу: «Молчи, женщина!» сводил на нет жизнь в Ковене. Прячась от Святой Инквизиции и слишком любопытных горожан, ведьмы собирались на заседания Ковена ночью. А какой муж спокойно отпустит любимую жену черт знает куда после захода солнца? Это неприлично! А если нужно уехать в другой город или деревню, чтобы помочь местным ведьмам справиться со сложной работой? Нет-нет! Или вместе или сиди дома, дорогая! А Филипп разрешал. И, если верить Изабэль, даже не пытался сунуть нос в её дела. Чудо-супруг! Еще бы дочь ни в чем не ограничивал, и жизнь казалась бы сказкой.

Вторым мне на глаза попался Андрэ. Цветом волос и привычкой чесать украдкой кончик носа старший наследник Дюбуа уродился в мать. Вернее, он был недонаследником, поскольку Белая магия в роду передавалась только по женской линии. Ну, вроде бы, живи и радуйся без лишних проблем, но нет. Изабэль через Ковен оформила разрешение в городском совете оставить по завещанию дом и часовую мастерскую Селесте. Да-да, в обход старшего брата, древних обычаев и так далее и тому подобное. У ведьм так принято и плевали они на недовольство мужчин. Наши феминистки удавились бы от зависти. Махровое средневековье, суровый патриархат, а в отдельно взятых семьях женщина была главной и точка. Феерично.

– Просим прощение за опоздание, Селесте нездоровилось, – мурлыкнула Изабэль, напряженно вглядываясь в лица родственников.

Мужчины сидели с каменными лицами, а тетушка Камилла едва заметно сквасилась. Та самая ведьма, что ставила защитные чары на дом Дюбуа, приходилась хозяйке дома младшей сестрой. Похожи они были друг на друга, как сарделька на макаронину. Камилла не вышла ростом и явно налегала без меры на сладкое и мучное. Талия не определялась, полная грудь тянула её вниз, а на круглом лице вместо добродушия и сытого удовлетворения застыла гримаса раздраженности.

– Как ты себя чувствуешь теперь, дитя? – проквакала тетушка.

– Благодарю, заметно лучше, – смиренно ответила я и опустила глаза в пол, как учила мать Селесты.

Не знаю, разглядела ли она то, что хотела, но веда я расследование убийства, поставила бы на Андрэ. Безразличие на его лице сменилось досадой и он потянулся за кувшином, не дожидаясь разрешения начать трапезу. Что наливал-то? Вино, судя по цвету и тонкому аромату винограда. Ах, вот откуда мешки под глазами и легкая одутловатость лица. Старший отпрыск от печали и горя закладывал за воротник. Надо же, как обижала участь недонаследника. Нет, ну его можно понять. Мать немолода, вторую девочку уже вряд ли родит, а после смерти сестры все гарантированно достанется ему. Он, поди, и подсыпал яд, начисто проигнорировав всю ведьминскую защиту, так как ставилась она против других.

– Что у нас на обед? – деловито поинтересовалась Изабэль, усаживаясь на место возле Филиппа.

– Пирог из ревеня и куриные потроха с чесноком. Мари, подавай, – приказал он и щелкнул пальцами.

Вторая служанка в доме Дюбуа как раз была типичной деревенской девушкой. Крепкой, коренастой и, к сожалению, не очень красивой. Задорно кивнув, она шагнула к столу и сняла крышку с котелка. Так вот что пахло на весь дом! Мамочки, они это собирались есть! Я чудом сдержалась, чтобы не заткнуть нос, и с тоской подумала, что если Селеста до сих пор не заработала гастрит, то он явно не за горами. И ядреный запах чеснока вряд ли выветрится к завтрашнему Совету Междумирья. Как я буду разговаривать с герцогом Ада? Через платок?

– Что-то мне снова дурно, матушка, – пискнула я и шагнула назад.

– Моя девочка, – жалостливо ответила Изабэль и погладила по плечу, – выпей воды и посиди с нами, а Мари принесет тебе булочек от месье Готье.

Наверное, вид у восставшей из мертвых Селесты и правда был не очень, потому что мужчины с готовностью закивали, и Андре даже встал, чтобы отодвинуть для меня табурет. Какая галантность! Ничего ядовитого из рукава в тарелку не упало? Вроде нет. Я уселась на жесткий табурет и сложила руки на коленях. Как бы так вывернуться, чтобы совсем ничего не есть? Страшно было.

Служанка разложила куриные потроха по тарелкам господ и, видимо, рванула в булочную за едой для меня, а семейство расслабилось и заговорило о делах насущных. Я не прислушивалась. Что-то про больные зубы мадам Роу и приглашение на крестины к третьей дочери зеленщика Дуко. Обычный бытовой треп, пролетающий мимо сознания, как болтовня участников телешоу в кухонном телевизоре. Я приглядывалась к пирогу из ревеня, пытаюсь унять слюноотечение, когда Изабэль захрипела. Вот натурально выкатила глаза и схватилась за горло.

– Селеста, – неожиданно тонко пискнул Филипп, подхватывая супругу, – маме плохо!

Я, конечно, бросилась к ней, но что могла сделать? Никогда раньше не видела смерти, тем более такой страшной. Изабэль корчилась в судорогах и синела на глазах, хватая воздух открытым ртом. Скорой, куда можно было позвонить, здесь не было, а единственный целитель умер несколько часов назад, оставив после себя ничего не соображающую меня. Изабэль скончалась через несколько мгновений, закрыв глаза и обмякнув в руках Филиппа. Селеста лишилась матери, а я – единственного шанса адаптироваться и выжить в чужом мире. Что теперь делать?

Глава 3. Белый ковен

Следующие несколько минут в доме Дюбуа я помнила смутно. Настоящая Селеста была обязана убиваться горем по погибшей матери, а не чувствовала ничего. Так и сидела на табурете посреди столовой и следила за тенями на полу. Филипп плакал, наплевая, что мужчинам можно, а что нельзя. Андрэ не выпускал из рук бутылку с вином, и только Камилла суежилась, раздавая указания слугам. Изабэль оставили на полу, даже не удосужившись накрыть простыней. И куда бы я ни повернулась, мне постоянно казалось, что я чувствую на себе взгляд мертвой ведьмы.

Ну, не виновата я! Те куриные потроха мог съесть кто угодно, я видела, как служанка накладывала их из общего котелка. Андрэ к блюду не притронулся, а

Филипп и Камилла не успели. Чуть иначе пошли бы события, и в кухне сейчас вместо одного трупа лежало бы пять. Кого теперь подозревать? Семья не при чем, кто-то со стороны хотел смерти всем Дюбуа вообще и трем ведьмам в частности. Двух убить получилось, первая воскресла, а третья сейчас отдувалась за всех.

– Не плачь дитя, – заговорила Камилла у меня над ухом. – Белые ведьмы не плачут по усопшим. Твоя мать была одной из Старших, её силе завидовали очень многие. Мы обязательно найдем убийцу, а ты проси Белую магию позволить Изабэль переродиться в её внучке. Теперь Книга Рода станет моей, и я займу место сестры в Ковене.

«Да зарадибога», – мысленно махнула я рукой, а вслух тихо ответила:

– Да, тетушка.

Но Камиллу такой ответ не устроил. Толстая дама подобрала юбки и уселась напротив меня, явно настраиваясь на долгий разговор.

– Не обижайся, девочка, так будет лучше. Я знаю, что Книга Рода должна была достаться тебе, но ты же еще ребенок. К тому же с таким слабым даром, что другим ведьмам признаться стыдно. Давно ли ты лечила что-то серьезнее царапин? Нет. Тебе никогда не стать Старшей и ты бесполезна для Ковена. Смирись и всецело отдайся исполнению дочернего долга. Едва мы справим поминки, Филипп найдет тебе достойного жениха. Жаль, конечно, столько времени и средств тратить на обычных людей. Принимать их, кормить, но ничего не поделать. Семья часовщика Дюбуа известна в городе, мы не можем нарушать традиций.

Быстро же она взяла безутешную племянницу в оборот. Отжала Книгу Рода и объяснила, что ей теперь делать и как жить. Настоящая Селеста, конечно, могла смириться, но со мной ушедшей Камилле не повезло. Я не планировала превращаться в домохозяйку с кучей детей, даже если другого выбора не было. Только что радовалась феминистическим порядкам среди ведьм, как меня немедленно поставили в неприемлемые условия.

А не пойти ли Камилле в Ад? Вот буквально завтра вместо меня. Пусть знакомится с герцогом, разруливает интриги Изабэль, прикрывает свою кхм...

попу от следующего покушения. Раз уж местной Белой магии было угодно засунуть меня в тело Селесты, и дать умереть единственной, кто знал тайну Ольги Паустовской в подробностях (Жизель не в счет), то стоило этим воспользоваться. Мне больше не угрожали обратным обменом. Никто не хотел вытолкать меня из тела и броситься на поиски души настоящей Селесты в Краю усопших. Я была практически в безопасности, не считая таинственного отравителя. Но поскольку погибла Старшая, как назвала Изабэль её сестра, то теперь это дело Ковена. Должно же сбирщище ведьм карать тех, кто сокращает их количество насильственным способом? А я, так уж и быть, притворюсь Селестой Дюбуа окончательно. В конце концов, и в этом мире можно жить и, судя по обстановке в доме, вполне неплохо.

– Нет, тетушка, – твердо ответила я. – Замуж после поминок я не пойду и жениха мне искать не нужно. Забирайте Книгу Рода, место в Ковене и на что еще у вас хватит совести, а меня оставьте в покое.

– Селеста! – задыхнулась от возмущения Камилла, сразу став похожей на жабу. – Как ты со мной разговариваешь?!

– Как вы того заслуживаете, – резко ответила я и добавила бы еще что-то, но в дверь постучали.

Служанки бросились открывать, и через несколько мгновений ведьм в доме Дюбуа стало еще больше. Аморет я узнала сразу, хотя она не спешила представляться. Верховная ведьма царственно вплыла в столовую и, мазнув по мне взглядом, уставилась на мертвую Изабэль.

– Значит, это правда.

Голос ведьмы оказался неожиданно высоким и чистым, как перезвон колокольчиков. И не скажешь, что самая древняя среди них. Сколько Изабэль говорила ей лет? Сто? Сто пятьдесят? На вид не больше пятидесяти. Морщины не успели всерьез испортить лицо, осанка оставалась прямой, а походка твердой. Кстати, почему она здесь? Без мобильных телефонов узнать об убийстве так быстро весьма затруднительно.

– Аморет, – склонилась в поклоне Камилла. – Я скорблю по сестре. Такая утрата для нас и для Ковена.

– Я уже почувствовала, – сухо ответила Верховная ведьма, – смерть лучшей охранительницы ударила по всей защите. Купола качаются и без поддержки ослабнут. Займись этим сегодня же и начни со своего дома. Я чувствую присутствие демона, как ты допустила его сюда?

Я чуть не присвистнула, а тетушка застыла с открытым ртом. Демон! Вот это новость! Уж не сам ли герцог Ада решил убить Изабэль? Оригинально мессир Данталион договаривается с ведьмами. Черт, тем более нужно держаться от него подальше! Ни на какой Совет Междумирья меня теперь не выманить. Хоть десять Верховных будут на аркане тащить, не пойду!

– Но здесь никогда не было исчадий Ада, я бы почувствовала, – пискнула Камилла и шумно принюхалась, будто в воздухе можно было уловить запах серы или другие внешние признаки. – Совершенно точно нет.

– Есть, – с нажимом ответила Аморет и тетушка приткнулась.

Еще бы. Верховная прошила её взглядом практически насквозь. Я бы на месте Камиллы давно стояла с дрожащими коленками и мечтала сбежать, но тетушка держалась. – Я даю тебе два дня, чтобы найти его, иначе пеняй на себя. Я передам Книгу Рода Селесте, а ты не только место не получишь в Кругу Старших, но и вылетишь из Ковена.

Круто! Аморет говорила, будто гвозди вбивала. Я видела, как Камилла с каждым словом сильнее втягивала голову в плечи. Вот так-то, милая тетушка! Хрен тебе с маслом, а не сладкая жизнь. Ой, а мне зачем Книга Рода?

– Селеста. – Аморет так и стояла ко мне вполоборота, даже голову не повернула. – Сегодня ночью Ковен придет к тебе, ты готова нас принять?

Черт!

– Нет! – выпалила я и Верховная стала злее Камиллы, когда я ей перечила.

– Никаких «нет», Селеста Дюбуа. Ты – белая ведьма, хоть с твоего рождения и прошло слишком мало весен. Будь моя воля, я бы близко не подпустила тебя к нам. Слабая целительница без таланта и прилежания в учебе. Но я что древние

обычаи. После смерти Изабэль место в Ковене освободилось. И оно твое по праву.

– Нет! – уже истерично повторила я и попятилась назад.

– Селеста, – шепнул над ухом мягкий голос, и кто-то обнял меня. – Так нужно, дочка.

Филипп. Блин, только его не хватало! Я металась между двумя злыми ведьмами, мечтая провалиться сквозь землю, а он успокоить решил.

– Нет!

– Селеста, не позорь род! – рявкнула Камилла, но Аморет моё сопротивление уже наскучило. Она все так же царственно развернулась и ушла.

Белая магия! Раз уж ты у ведьм вместо Бога, помоги мне. Пожалуйста.

Я ожидала небывалой суеты из-за визита ведьм, но Камилла и на этот раз великодушно избавила меня от хлопот. Пока я вместе с Филиппом и Андрэ скорбно сидела над завернутым в саван телом Изабэль, тетушка уединилась в каминной комнате и долго бормотала там заклинания. Видимо, ставила дополнительные защитные купола, раз уж была охранительницей.

Честно, я ожидала от прибытия ведьм настоящего шоу. Зеленого пламени, фиолетового дыма, злобного смеха прямо из камина, и чтоб кто-нибудь влетел в дымоход на метле. Но не тут-то было. Когда дверной молоток начал отстукивать барабанную дробь, дом Дюбуа наводнили настолько обычные и ничем не примечательные женщины, что я расстроилась.

Они по очереди здоровались с Филиппом, сочувственно трепали по волосам Андрэ и, не глядя, отдавали служанкам маленькие корзинки с угощением. Надо же, здесь тоже было принято поминать усопших сладостями. Если бы не труп на

трапезном столе, я бы решила, что ведьмы пришли на обычные посиделки. Те самые, где женщины обсуждают сплетни, рецепты, короткую юбку гулящей соседки и хвастаются друг другу рукоделием. «Ах, какие носки я связала любимому супругу! Это же чистейшая собачья шерсть. А у меня верблюжья, а у меня, а у меня...» Куд-кудах-тах-тах. Куд-кудах-тах-тах. Тьфу, противно!

– Селеста, – строго позвала Камилла за мгновение до того, как явилась Аморет.

Я успела выйти её встречать с самым светским выражением лица, на которое была способна. Задание выполнено, Ковен принят, пусть не мной, но я, как в школе, списала контрольную у подготовленного товарища и, кажется, не пропалилась.

– Прошу сюда, – подобострастно склонилась Камилла, распахивая двери подготовленной комнаты.

Аморет, проходя мимо меня, снова поморщилась, будто от платья Селесты дурно пахло. – Демон, – проворчала Верховная под нос.

Да никого Камилла не нашла. Чуть ли не на пузе по всем углам проползла, но присутствие исчадия ада чувствовала только Аморет. Либо у Верховной более тонкое обоняние, либо она просто ошиблась. Ничего страшного, такое случается даже с очень опытными ведьмами.

Вокруг овального стола для ведьм поставили тринадцать стульев. Камилла объяснила, что Старших в Ковене стало на одну меньше после смерти Изабэль и вообще-то мне нечего делать на собрании, но такова традиция. Новой ведьме в первый раз разрешают занять место среди Старших, а потом она обязана его заслужить. Интересно, сколько лет Камилла нарезала круги возле стула старшей сестры? Подслушивала, что говорят? Вон как вцепилась в Книгу Рода, впору заподозрить её в отравлении. Ведь Селеста тоже должна была умереть, а других женщин в семье Дюбуа не было. Да и Филиппа не стоило сбрасывать со счетов. Судя по порядкам в семье, Изабэль мужа ни во что не ставила и вполне могла нагулять дочь от другого мужчины. А рогатый Филипп в припадке ревности решил убить и чужого ребенка и неверную жену. Кхм, почему тогда начал с ребенка? Логичнее с жены. Черт, Шерлок Холмс из меня никакой.

За стол я села последней и немедленно почувствовала на себе двенадцать неприязненных взглядов. Их было бы тринадцать, но Камилла удалилась в столовую, оставив нас за закрытыми дверьми. Черт, без неё ведьмы уже не казались добродушными домохозяйками. Вон у той в чепце вид был такой, будто она уже насылала порчу и недавно оставила на пороге заговоренную на спотыкач лягушачью кожу. Селесту они реально недолюбливали. Интересно за что? Дерзила старшим? Хулиганила в местной школе для ведьм? Была симпатичнее и самих Старших, и их дочерей на выданье? Спросить-то ведь не у кого. Камилла вряд ли признается. Сплетни о ком-то лишь тогда хороши, когда произносятся строго у него за спиной.

– Белая магия, – торжественным голосом начала Аморет и ведьмы подхватили:

– Дай нам сил. Спаси и сохрани от бед и горя...

Я слов не знала, поэтому открывала рот, стараясь попадать в артикуляцию соседок. Приветственная ритуальная речь оборвалась восхвалением Белой магии и коротким «славься». Что у ведьм, должно быть, заменяло «аминь».

Теперь настал черед по-настоящему серьезных разговоров. Сначала Аморет повторила для Ковена, что Изабэль мертва, меня принимают в дружные ряды, но место тринадцатой Старшей пока останется пустым. Не видела Верховная достойных кандидатов. Надеюсь, Камилла подслушивала и бесновалась от злости. Выдержав еще одну порцию ненавидящих взглядов, я опустила голову, мечтая, чтобы собрание поскорее закончилось, а Аморет продолжила.

– В доме Дюбуа я почувствовала присутствие демона. Он появился совсем недавно, след еще не успел остыть.

Ведьмы оживились и зашептались, став еще злее и раздражительнее. Все же исчадий Ада они ненавидели больше, чем меня. И на том спасибо.

– Подселенцы стали сильнее? – подала голос тощая, словно высохшая ветка, женщина. – Их уже не останавливают наши защитные чары?

– Их все больше, – поддержала другая. – В соседнем Ильме снова поймали женщину с демоном внутри. Несчастную сожгли, посчитав ведьмой. Святая Инквизиция не дремлет.

Ведьмы зашипели, ссезживая яд уже на третьего адресата. Кто еще мешал им жить? Пусть озвучивают для полного комплекта, мне даже интересно.

– Нужно отправить кого-то в помощь смотрительницам, – громко заявила полная дама. – Подселенцев тяжело разглядеть. Они все хитрее и осторожнее. Сила Ада закрыта от нас, смотрительницы могут не многое.

– Верно, – кивнула другая. – Так стоит ли тратить время?

– Стоит. Оставленные подселенцами тела людей умирают. Инквизиция еще не обвиняет нас, но недалек тот день, когда народ почует неладное, взбунтуется и потребует виноватых. Мы – самые удобные жертвы.

– Так и будет. Все правда, – согласились ведьмы, подняв небывалый шум.

– Значит, подселенцев должно стать меньше, – высказала очевидную мысль Аморет. – Завтра совет Междумирья. Мы можем сторговаться с демонами в обмен на уступки.

Идея ведьмам категорически не понравилась. Они шипели, что близко не подойдут к исчадиям Ада и лучше разрушить Брамен, чем хотя бы приблизиться к одному из тех, кто называл себя маркизом или бароном. А демоны ниже званием ничего на Совете не решали. Вот! Хоть у этих мозги были в отличие от авантюристки Изабэль. Герцога Ада она собралась просить о помощи.

Кстати, забавный момент. Раз все ведьмы так ненавидели демонов, то как она вообще свела с ним знакомство? Героически переборола отвращение? Я поняла, что для белых ведьм это равносильно ситуации, когда жена олигарха и светская львица добровольно отдается бомжу в его загаженной и провонявшей коробке из-под холодильника. Ведьм тошнило и чуть не рвало, когда они говорили о демонах. Хотя чему я удивляюсь? Гравюру с истинным обликом мессира Данталиона я уже видела.

– Договор с демонами очень важен! – Аморет властным тоном перебила возмущенный гомон. Ведьмы пристыженно затихли. – Кто пойдет от нас?

«Лес рук», как любила говорить моя школьная учительница математики. Сейчас Аморет достанет из кармана очки, откроет журнал и пойдет по списку вниз.

– Люси?

Маленькая ведьма сжалась в комок и стала еще меньше.

– Бланш?

Вторая рядом с ней прикинулась ветошью и решила не отвечивать.

– Нельзя отправлять Старших, – высказалась та, что просила помощи для смотрительниц. – Ведьм, дерзнувших подойти к Владыке Ада со сделкой, могут просто убить.

«Отправим тех, кого не жалко!» – захотелось выкрикнуть мне, и я неожиданно-негаданно попала в самое яблочко.

– Ты права Иветт, – кивнула Аморет. – Мы уже потеряли Изабэль. Если нас останется одиннадцать, сила Белой магии ослабнет, и тогда мы точно не сумеем сдержать демонов.

– Но кто из молодых ведьм справится с подобным? – спросила маленькая Люси. – Нужна смотрительница.

– Нет! Переговорщица.

– Отправим Фиону, – выкрикивали ведьмы, как школьники на уроке.

– Пойдет Селеста Дюбуа, – убийственно тихо произнесла Аморет, и все резко обернулись ко мне.

Сердце сжалось в комок и со страху ухнуло в пятки. Снова заорать «Нет!» на весь дом я не смогла, язык отнялся. Что ж мне так хронически не везло? Сначала умерла, потом очнулась в чужом теле, меня втянули в настоящий шабаш, а теперь снова посылали договариваться о чем-то с демонами. Да катитесь вы ко всем чертям! Нашли козу отпущения. Ну, Аморет, ну Верховная зараза, я тебе

это еще припомню!

– Отомстить за мать? – глухо спросила та, которая отозвалась на имя Бланш. – Демоны от неё даже пепла не оставят.

Я всячески поддерживала Бланш и уже потянулась, чтобы высказаться, но Аморет пригвоздила меня взглядом к стулу:

– Род Дюбуа отказался от моей помощи в защите дома и допустил к себе демона. Теперь среди нас нет Изабэль, а любая глупость, как известно, наказывается дважды. Пришло время для осознания и расплаты. Селеста встретится с убийцами матери и добьется спасения жизни многих людей. Мы искупим перед Белой магией смерть одной из её избранных.

– Да, правильно. Пусть идет, – донеслось со всех сторон, а я окончательно онемела. Станные у ведьм представления о справедливости. Административный и уголовный кодексы нервно курят в сторонке. От шока я окончательно утратила чувство реальности и все-таки высказалась. Прямо в глаза Аморет:

– Купола на дом ставила Камилла. Если уж кого и наказывать из рода Дюбуа, то её.

Видьмы выдохнули, как одна огромная многоголовая гидра. Я думала, сейчас сожрут меня за то, что вообще посмела открыть рот, но вердикт Верховной оказался быстрее:

– Ты права, дитя. На Совет Междумирья вы пойдете вместе.

Занавес. Белая магия вместе с её избранными Старшими так круто меня подставила, что я поклялась больше никогда не просить у неё помощи.

Глава 4. Герцог Ада

Сквозь отражение Данталиона на стекле неспешно нес кипящие воды огненный Флегетон. Изменчивый и непостоянный, как все вокруг. Мятельный, страстный. Иногда герцогу казалось, что искра Флегетона есть во всем, что имеет красный цвет. В каждом зернышке сочного граната, лепестке мака и на каждой грани рубина. Даже положив руку на стекло здесь, на немыслимой высоте, он чувствовал жар великой реки. Сколько грешников сейчас в ней горело?

– Даже если ты захочешь остаться в стороне, Берит не позволит, – звонко сказал маркиз за спиной.

Голос Аманды эхом отражался от стеклянных стен комнаты в одной из башен города Дис. Обитатели демонов и столицы Ада. Герцог и маркиз давно мысленно ходили по кругу, как заблудившиеся в Аду души. Строго между Владыкой, Беритом и главой Темных. Что делать и делать ли вообще? Ответа не было. Пятая партия в шахматы позади, вторая бутылка вина пуста.

– Берит жаждет войны. В этом его суть и природа.

– И многие с ним согласны, – осторожно заметил Аманд. – Темные слишком много себе позволяют в мире людей.

– Мы тоже позволяем себе немало. Глупо уничтожать тех, кто тебя кормит. Это все равно, что доить корову, отрезав вымя. Мне наплевать на людей, но когда разгорится война, и они перережут друг друга, Ад захлебнется от душ. Опьянеет, как дорвавшийся до вина аскет. И что потом? Я скажу тебе. Похмелье. Окрепшие во время войны легионы демонов станут нечем кормить. Люди плодятся быстро, но не настолько. Мы начнем жрать друг друга.

Аманда передернуло, но он промолчал. Смотрел на Флегетон и перекачивал золотой кубок по губам. Даже у демонов есть привычки. А еще капризы и дурное настроение. Видимо, так думал маркиз, затеяв разговор со своим сюзереном. Не понимал, почему Данталион отказывался от прелестей развязанной войны между двумя королевствами людей. Ведь они стократно превышали любое «похмелье». Демоны сожрут друг друга. Будто в первый раз?

– Не заставляй меня рассказывать простые истины, – осторожно начал маркиз. – Это люди верят, что нам для поддержания существования нужны только души грешников. И что ими можно пресытиться, как любой едой. Примитивные

заблуждения.

– Конечно, – герцог склонил голову на бок. – Еще мы, как женщины, любим красивые вещи. Едва попали на выжженные равнины, и сразу нашли возможность таскать сюда из сопредельных миров все, до чего могли дотянуться. Гребли когтистыми лапами и требовали еще. Посуду, мебель, одежду. Мою черную рубашку ткала обычная женщина, а твой камзол шил золотом мужчина. Кто будет делать это, когда людей не станет?

Данталион терял терпение, но Аманд, будто не слышал. Стеклянная комната в башне прогревалась от жара двух высших демонов.

– Война все равно начнется. Люди не способны жить в мире. И тогда вся прибыль достанется Бериту. Владыка отдаст. Он благосклонен к нему. Не лучше ли сейчас принять сторону победителя, чтобы потом не сожалеть об упущенной возможности?

Герцог развернулся к Аманду, чувствуя, как от гнева из спины прорезались крылья. Камзол туго натянулся и трещал по швам. Из сжатых в кулаки пальцев выдвинулись когти, разрезав кожу. Теплая кровь алыми кляксами украшала мраморный пол. Еще немного и человеческий облик сменится истинной формой. Но маркиз не пожелал доводить до этого. Медленно поставил кубок на стол и низко склонил голову. Покорный, преданный, бесхитростный. Виноват, вывел сюзерена из себя.

Актер. Герцог давно чувствовал в нем искру неповиновения. Пока еще слишком слабую, чтобы стоило волноваться, но Аманда нельзя упускать из виду.

– Не забывай, что Темные еще не поддержали Берита на Совете Междумирья, – ответил герцог, усилием воли вернув человеческий облик.

– За этим дело не станет, – маркиз говорил тихо и не поднимал головы, – Мормолика давно мечтала откусить от мира людей кусок пожирнее и теперь могла обрести союзника. При всей её ненависти к демонам, она всего лишь женщина.

– Женщина, – эхом повторил Данталион и слизнул с ладони капли крови.

Кожа под языком зашипела и стала ровной. Плоть не так изменчива, как Флегетон, но податлива и мягка. Женщины слабы. Будь то кухарка из Брамена или глава Темных колдунов. Природа заставляет их подчиняться мужчинам. Иначе невозможно продолжение рода. Законы жизни суровее смерти. Жаль, демоны об этом забывают.

– Есть еще Белый ковен, – напомнил герцог и Аманд широко улыбнулся:

– Они ничтожны. Трусливые белые ведьмы никогда не говорили на Совете Междумирья ничего кроме «Да». Молчаливое повиновение – их удел.

Об этом знали все, и никто не воспринимал защитниц людей как сторону противостояния. Трех мнений на Совете не было никогда. Два весомых «Хочу» и одно беспомощное «Да» на любое предложение. Разве что Изабэль Дюбуа могла пойти против. Её дерзость граничила с глупостью, но другой белой ведьмы в союзниках у Данталиона пока не было. Нет, она не выступит в открытую против Берита. Но роль мишени для гнева Мормолика и исполнит виртуозно. Ничто не раздражало главу Темных сильнее, чем другая женщина, имеющая собственное мнение. А пока они будут грызться, как собаки, идея войны потеряет привлекательность. Превратится в женский каприз, высказанный с истерикой. Владыка подобного не потерпит и наложит печать запрета как минимум до следующего Совета. А за это время или Данталион согласится с войной или Берит от неё откажется.

– Еще партию? – спросил герцог, подходя к шахматному столу.

– Еще вина? – растянул губы в улыбке Аманд.

Границы между мирами на самом деле не существовало. Междумирьем красиво называли затерянное в пространстве место, где сходились воедино силы. В этом узле, будто в кармане камзола, спрятали круглый Зал совета. К нему из любого выхода портала тянулась каменная тропинка. Лишь у демонов и Темных колдунов хватало сил добраться сюда самостоятельно, а двух ведьм из Белого

ковена всегда вели за руки, как беспомощных детей. Глупо, унижительно, затратно для Темных, но чего не сделаешь ради видимости сотрудничества? Демоны могли полноценно жить только в Аду, Темные не отходили от Источника, а в мире людей и те и другие лишались сил. Оставалась только физическая оболочка и природное обаяние.

В кармане, к слову, тоже невозможно расправить крылья и показать полную мощь, но пребывать сюда демоны любили в истинном облике. Крылатые герцоги, звероподобные маркизы, устрашающие губернаторы и короли появлялись в Междумирье и входили под мраморный купол Зала совета.

Давным-давно демоны и колдуны разделили мир людей на части и сообща решали, как извлечь из него наибольшую выгоду. Кругу, где обитал Данталион и Берит, достался не самый плохой кусок. В меру плодородный, в меру населенный. Альмадинское королевство на юге и Урраз на севере. Их-то и хотели столкнуть в войне. А пока следили издали, как люди барахтались в первобытной дикости. Придумывали богов, строили им церкви, боялись демонов и сжигали на кострах своих единственных защитниц. Святая Инквизиция уничтожила вдвое больше ведьм, чем демоны за всю историю. Их души становились настоящими бриллиантами в любой коллекции. Когда-нибудь им расскажут, что это Темные забавлялись, посылая в мир пророков. Колдуны сочиняли учения и плодили религии. Они пытались завоевать все души сразу, в то время как демоны по-прежнему аккуратно таскали по одной.

Исчадия Ада проникали в мир бесплотными духами, находили жертву и внедрялись. Со стороны казалось, что у человека открывался невероятный дар, либо же он просто сходил с ума. И только короли и герцоги, могли протаскивать на земли людей собственное тело, как корову через игольное ушко. Настолько тяжелым был переход.

Данталион стоял на мраморных ступенях амфитеатра. Высоко стоял, как позволял титул герцога. Выше только Владыка, первый среди королей, и глава Темных в своих ложах строго друг напротив друга. Остальные демоны и колдуны сидели на ступенях, спирально уходящих вниз до круглой арены. Туда должны прибыть белые ведьмы из Ковена.

Данталион ждал Изабэль и аромат сирени, который она всегда приносила с собой. Следил за ней с тех пор, как совсем юная ведьма впервые появилась на совете. Испуганно хлопала глазами и не понимала, что происходит. Очаровать

её оказалось легко. Герцог преподнес ей в подарок перстень, а потом отправил к людям исчадие Ада с посланием. Так они и общались. Одержимый человек находил дом ведьмы, выслушивал ответ и Данталион отзывал его. Почти романтично, если не вдумываться в суть.

В последних письмах он, как мог, разжигал в ней желание перечить Темным на совете. И туманно намекал на помощь. Изабэль отвечала благосклонно, но женское «да» никогда не стоило расценивать однозначно. Тем более, если женщина – ведьма. Наверняка затеет маленькую игру. Пусть, это даже забавно. Лишь бы не струсил в последний момент. Не каждый выдержит натиск Мормолика. Аманд на неё даже смотреть не хотел. Маркиз разложил волчьи лапы на ступенях, лениво зевнул львиной пастью и поджал змеиный хвост. Старый дворовый пес, а не демон. Данталион оскалился в усмешке, обнажив клыки. Даже позавидовал ему в какой-то момент. Чем выше стоишь на этих ступенях, тем меньше себе позволяешь.

Древняя элинка Мормолика больше напоминала статую, чем живую женщину. Казалось, если повернет голову, то шея переломится. С момента появления Данталиона на совете так и стояла в профиль. Правильный и греческий. Длинные черные кудри элинка собрала в высокую прическу и украсила диадемой. Герцог не помнил цвета её глаз, едва ли когда-нибудь его замечал. Возможно, потому что холодного взора глава Темных вот уже несколько циклов не сводила с Берита.

Новый фаворит Владыки стоял подле него. Воин в красном мундире и с бледным лицом под цвет хитона Мормолика. Чем он её привлек? Что пообещал? Неужели был в постели лучше многих?

Ткань Междумирья содрогнулась от порталной вспышки. Герцог потянул носом воздух, ожидая знакомый аромат сирени. Но вместо него пришел сандал, кунжут и полынь. Девять кругов Ада, это еще кто? Рисунок силы тот же, но отпечаток духа другой. Совсем не похожий на Изабэль. Но определенно родственный, хоть и настолько слабый, что Данталион едва различал его среди демонов и колдунов. Даже спутница ощущалась ярче. Заурядная охранительница с въедливым запахом полыни. Любительница ставить подножки и делать мелкие пакости. Слишком мелкие для Совета Междумирья. Что она тут делала?

Герцог шагнул на ступень ниже и переложил косу в левую руку. Долгое древко ударило по козлиным ногам, а хотелось переломить его через колено. Изабэль

прислала вместо себя другую! Жалкая белая ведьма даже прийти на совет испугалась. Ничтожество. По-настоящему неприятный сюрприз. Настолько, что впору поздравлять Берита с победой. Что можно ждать от испуганного ребенка с огромными, как блюдце, глазами? Белая ведьма? Да неужели? Стебелек, дрожащий на ветру. Владыка не воспримет её всерьез еще до того, как Мормолика вступит в игру. Это провал.

Герцог зарычал и ударил хвостом по ступеням. Утопить бы весь человеческий род во Флегетоне с тоски! Совершенно бесполезные создания!

После переноса в Междумирье тошнило, как в переполненной маршрутке летним днем с закрытыми окнами. Меня качало, мутило и гнуло к мраморным ступеням. В самолете взлет и посадка приятнее, а я всегда на них плохо реагировала.

– Селеста, встань ровно, – прошипела Камилла, и мне захотелось её ударить.

Достала. Вот извела за ночь и утро, что мы готовились. Бесконечные нотации, придирки и упреки. Селеста туда, Селеста сюда. Если я двадцать лет не учила этикет в принципе, что могла запомнить за один раз? Но кого это волновало?

В лапы к Темным колдунам меня отдали особенно пафосно и церемонно. Нарядили перед этим, как куклу, и выдали сто пятьсот инструкций, что им можно говорить, и что нельзя. Пригрозили, что за любую колкость я или магически пострадаю, или белых ведьм опозорю. Так что язык нужно держать за зубами. Будто это просто. Я бледнела, краснела, представляла кого-то хуже герцога Данталиона, а мужики оказались нормальными и даже симпатичными.

Тот, что взял меня за руку и утащил сквозь лопнувшую ткань мира, был высок, плечист и обаятелен. Мода на одежду у них была, как у наших бедуинов или арабов. Штаны-шаровары, короткие жилетки и чалма. У обоих по загорелым рукам змеились черные татуировки с золотистыми каплями не то краски, не то металла. Никаких животных, людей или надписей. Невероятно сложный

орнамент. Мне даже почудилось, что татуировки живые и подвижные. А что? Почему нет? В итоге я настолько неприлично долго пялилась на полуголых колдунов, что Камилла пнула меня по ноге.

Говорили Темные мало. Языкового барьера не было, они просто не болтали зря. Взвешивали каждое слово и выдавали мысли, словно под роспись в журнале. Солидные мужики. И не самые слабые среди своих, как мне намекнула одна из ведьм Ковена, что присутствовала на встрече с ними в доме Аморет.

Поэтому услышав команду: «Позвольте вашу руку, мадемуазель», я смело коснулась ладони колдуна. Он сжал мои пальцы очень крепко, но боли не причинил. Закрыв глаза, сосредоточился, и тут я убедилась, что татуировки действительно живые. Рисунок вспыхнул золотыми пятнами и заплескался на коже. Красиво, черт, я аж засмотрелась! Колдун открыл глаза, сказал «Иррик нам» и меня со всей дури приложили дубиной по темечку. Ай, до сих пор башка гудела. Ну, какой же гадкий этот переход!

– Мадемуазель? – вежливо откашлялся колдун, но руки с живыми татуировками больше ко мне не протягивал. – До конца совета я вынужден откланяться.

– Да без проблем, – машинально ляпнула я, и Камилла пнула меня еще раз. Но колдуна ответ устроил. Надо же. Темный поклонился, а потом ушел от нас вверх по ступеням вместе со своим другом.

– Вопиющая бестактность, – проворчала Камилла. – Мне стыдно за тебя.

«Смотри не взорвись», – не очень вежливо, но хотя бы мысленно пожелала я ей.

Зал совета напоминал Колизей до того, как его разрушили варвары. Что-то такое рисовали на иллюстрациях в учебниках истории и показывали в познавательных фильмах на канале Культура. Вот только места в гигантском зрительном зале занимали совсем не люди. Данталион на гравюре показался мне отвратительным? Мамочки, как же я поторопилась с оценкой. Да он был душкой по сравнению с этим зверинцем!

Демонов собирались по частям из разных животных, вытягивали, скручивали и отрубали то, что не удавалось пришить так, как нужно. Затошнило меня на третьем бароне или маркизе. Заглядывать на ступени выше шея болела. А зря.

Откуда-то оттуда меня прицельно рассматривали. Нет, на двух белых ведьм посреди сборища демонов и колдунов пялились все, но щеки у меня горели от какого-то одного взгляда. Он чувствовался каждой клеточкой тела и доставал до печени.

– Ты главное помалкивай, дитя. На Владыку Ада и Прекраснейшую даже смотреть не смей. Если им что-то не понравится, нас могут убить, – прилипла с наставлениями Камилла. Надо же, опытную ведьму трясло от страха и передергивало от отвращения. А я думала, она привыкла к колдунам и демонам, раз уж жила с ними по соседству.

– Хорошо, тетушка, – устало повторила я в сотый раз. – Буду кивать и улыбаться, пока челюсти не сведет.

Да, я её задевала, как могла. Раз уж Селеста слыла неучем и лентяйкой, то можно было не подстраиваться под витиеватую местную речь. Однако перегибать не стоило. Особенно в таком месте и при таких обстоятельствах. Заряд бодрости кончился, яда на колкости Камилле не хватало, и в ногах уже вовсю ощущалась слабость. Черт, я ведь на полном серьезе в месте под названием «нигде» в окружении самых опасных, мерзких и отвратительных существ. Это не сон, не бред и не моя фантазия. Если до этого я храбрилась и кривлялась, то после первого же взгляда на Владыку онемела и застыла статуей. Сгусток пламени в рогатом шлеме и мантии из самой беспросветной темноты. Настолько величественный и ужасный, что я слышала шепот сожранным им душ и тянулась к ним. Жизнь – тлен и не стоит ничего. Вот оно счастье – окунуться в темноту и стать её частью. Я иду.

Тьфу, мамочки. Нет-нет-нет. Больше никогда ни одного черта не помяну вслух! Лучше без языка остаться, чем еще раз почувствовать себя на краю того самого настоящего Ада.

– Да начнется совет Междумирья! – прогрохотал верховный демон, а я вытерла мокрые ладони о платье.

Главное, пережить все молча и не грохнуться в обморок от слабости. Камилла любезно взяла на себя переговоры и по решению Ковена собиралась настаивать на уменьшении присутствия демонов в мире. Ведьмы подготовили доказательства в письменном виде и передали с Камиллой амулеты с

отпечатками духа убитых сестер. По их замыслу рогатые исчадия Ада должны устыдиться, вспомнить об изначальных договоренностях и согласится урезать аппетиты.

Что за бред? Ага, прям-таки разбежались. По мне, так легче с колдунами подружиться, чем хоть как-то ограничить демонов. Кстати, почему ведьмы презирали Темных я так и не узнала. Вроде нормально общались. Вон и главная у них выглядит, как обычная женщина. На гречанку похожа. Интересно, на каком языке сейчас будут говорить? Я хоть что-нибудь пойму?

Вступительной речи не было. Секретаря не выбирали, повестку дня не оглашали, а сразу перешли к делу. К ограждению ложи выступила глава Темных. Гречанку звали Мормолика и обращались к ней «Прекраснейшая». Ну, хоть не ввали. Женщина действительно была сказочно красива.

– Совет дал клятву оберегать мир людей и никогда от неё не отступал, – зазвучал её голос. Высокий и чистый, как у оперной певицы. – Но слуги наши приносят пугающие вести. Люди перестали рачительно относиться к дарованным им богатствам. Правители погрязли в жадности, заботятся лишь о собственной выгоде. Два королевства, некогда жившие мирно, на грани войны. В это нелегкое время простой народ, как никогда нуждается в нашем внимании и мудрой опеке.

Уже по вступлению я поняла, что людям сейчас втюхают еще больший контроль, чем был. Переводя на понятия моего родного мира, местный ООН недоволен ситуацией между соседними африканскими племенами и желает нарастить контингент миротворцев. Демоны-миротворцы. Обхохочешься. Что-то я не припомню войну в славном городе Брамене. Тихо там, как на пасторальных полотнах средневековых художников.

– Наш долг вмешаться и направить вышедшую из берегов реку в нужное русло. Что скажете, Владыка?

Мормолика повернула небесной красоты голову к верховному демону. Его адова свита немедленно зашушукалась, но без особого энтузиазма. Заранее знали, о чем пойдет речь? Очень может быть. Это Ковен ни сном, ни духом. Даже обидно стало за ведьм.

– Велика наша скорбь о судьбе человечества и безмерно желание помочь, – ответил Владыка Ада и я снова почувствовала, что схожу с ума.

Демоны? Помочь? Лицемерная ложь!

– Урод рогатый, – пробурчала под нос Камилла, и я впервые согласилась с тетушкой.

– Однако грань миров слишком крепка и губительна для нас, – продолжил Владыка. – Проникнуть сквозь неё могут только верные слуги и сильнейшие из высших.

Что-то я потеряла нить рассуждений. Грань миров – очень хитрый фильтр? Господа могут не все, зато слуги шныряют туда-сюда не напрягаясь? В чем тогда крепость и губительность? Они части тела по дороге теряют? Поэтому выглядят, как создания пьяного Франкенштейна? Кстати у колдунов таких проблем нет. И Мормолика немедленно это подтвердила.

– Мы готовы оказать помощь людям, если Владыка Ада позволит отправлять в мир людей не жалкие капли нашего присутствия, а хотя бы две мелкие пригоршни.

Женщина приложила сложенные «лодочкой» ладони к груди и почтительно склонила голову.

– Темные ведь против демонов? – прошептала я на ухо Камилле. – Почему мы не можем с ними договориться? Пусть бы нагрянули людно, конно и оружно. Глядишь бы проредили адовых подселенцев.

– Нельзя, – дернула плечом тетушка и отмахнулась от меня. – Не лезь в то, чего не понимаешь!

– Владыка считает это разумным и полезным, – ответил демон. – Но что скажет Белый ковен? Примут ли они столь щедро предложенную помощь?

Я ожидала жесткого и решительно «нет», но тетушка, похоже, только нерадивую племянницу умела строить и ровнять. Едва на неё обернулись все,

кто сидел на мраморных ступенях, Камилла побледнела и начала заикаться:

– М-м-мы не м-можем противостоять вам, и в-вы это знаете.

Её голос звучал писком мышонка, случайно оказавшегося на пиршестве котов. До того жалко и затравленно, что меня передернуло. Я забыла, что сама недавно мечтала забиться под ближайший камень и до сих пор не поднимала глаз на Владыку Ада. Так нельзя! Ведьмы мы или кто? В дела нашего мира бессовестно лезут, а мы ответить не можем? Я решительно расправила плечи и шагнула вперед, даже не почувствовав, что Камилла схватила за локоть.

– Мы согласны на помощь Темных! – крикнула так громко, как могла, и, стараясь не струсить и не сбить дыхание, продолжила: – При одном условии. Демоны перестанут отправлять слуг-подселенцев из Ада в тела людей! Больше ни одного одержимого в двух королевствах!

Камилла застонала и дернула меня за рукав назад. Да пошла она! Сама разберусь, если у местных кишка тонка. Развели советы. Лгут, лицемерят, расшаркиваются друг перед другом. Я вижу, как косятся демоны на темных и как колдуны отвечают взаимностью. Если бы не их главные, тут бы и перегрызлись. Шум поднялся волной прибое и покатился от нижних ступеней строго вверх. Колдуны вскакивали с мест, демоны хлопали крыльями, и в ложах стало намного оживленнее. Давайте, гады ползучие, душонки темные, шевелите мозгами. Что? Не ожидали?

– А тех, кто сейчас есть, вы немедленно отзовете обратно. Всех! Я требую поименный список слуг с отметками прибыл, убыл. Только полный учет и строгий контроль. Вы вообще знаете, что они там творят? Их кто-нибудь проверяет? Гибнут невинные люди, ведьмы. Инквизиция грозит расправой.

– Замолчи, замолчи, замолчи, – причитала Камилла и трясла меня за руку. – Нас убьют за дерзость! На месте испепелят!

Из глаз тетушки катились слезы. Двойной подбородок трясся, и от платья остро пахло потом. Странно, но её истерика только придавала мне сил. Убивать нас вряд ли станут, на советах так не принято. Или я чего-то не знала про этот конкретный совет?

От пристальных взглядов уже припекало. По зову Владыки к нему подошел демон в красном мундире. Один из немногих, кто выглядел, как человек. Я бы подумала, что колдун, но он стоял в ложе верховного демона. Значит, свой. Пока я его разглядывала, с верхних ступеней взлетел еще один демон. Ветер от его огромных крыльев я чувствовала даже на самом дне круглого зала. Свети здесь солнце, он бы его заслонил. Приземлился демон прямо в ложу и только когда сложил крылья, я его узнала. Мама дорогая, да это же тот самый Данталион! Герцог, с которым хотела договориться Изабэль!

Я переступила с ноги на ногу и нервно стряхнула с локтя Камиллу. Нет, мое решение держаться от мессира как можно дальше не изменилось. Дождусь вердикта и бегом обратно в славный город Брамен. Лишь бы демон не был знаком с Селестой. А то шепчет, поди, в уши Владыке, что я никто и звать меня никак. Даже к Ковену отношения не имею. Тогда мой выпад из громогласного заявления превратится в тихий пшик. Каприз маленькой и очень глупой девочки. Обидно будет. Неужели все зря?

Три демона беседовали на смеси лающих и шипящих звуков. Значит, языковой барьер все же существовал, просто Темные колдуны специально говорили так, чтобы ведьмы их понимали. Занятно. Знала ли Изабэль язык демонов? Или мессир Данталион говорил по-нашему?

Пока демоны совещались, Мормолика нервно прохаживалась по ложе. Самоуверенность и незыблемость каменной статуи с неё будто волной смыло. Той самой, что сейчас бушевала в мраморном зале и долетала до меня брызгами слов. Оскорбляли наверняка витиевато. Хорошо, что я ничего не понимала.

– Неразумность молодости прощена ведьме из Белого Ковена, – прогрехотал Владыка Ада, косвенно подтверждая мои догадки. Все-таки ребенком сочли, хотя Селеста – девица на выданье. Но с другой стороны, что значит семнадцать лет для тех, кто живет несколько веков? – Мы готовы отозвать подселенцев и согласны, чтобы Темные прислали больше слуг.

– Ээээ, – протянула я и, чуть было не ляпнула: «мы так не договаривались», но закрыла рот. Темные, так Темные. Ведьмы рассказывали, что они присылают к нам слуг, которые становятся целителями, учеными и пророками. А кому от лечения бывало хуже? Вот же темное средневековье, почему Ковен на колдунов взъелся? Они против улучшения уровня медицины? Конкурентов боятся?

Камилла окончательно утратила дар связной речи и обреченно мычала. Зато Мормолика сияла своей неземной красотой, и я только сейчас поняла, кого она мне напоминала. Афродиту. Нет, скорее зловредную Геру, потому что любовью от главы Темных даже не пахло.

– Благодарю, Владыка, – улыбнулась она, но верховный демон заговорил дальше, даже не повернув в её сторону рогатый шлем с горящими огнем пустыми глазницами. На меня смотрел. Я снова не выдержала и опустила голову.

– Наш союз с людьми древний, мы дорожим им. Простите и вы нам недосмотр, ведьмы Белого ковена. Мы не знаем, сколько подселенцев ходят по двум королевствам. Многие лишись хозяев здесь, в Аду, и отсюда их не вернуть. Я отправляю в ваш мир одного из высших, чтобы он выполнил ваше требование. Герцога Данталиона.

У Мормолика и натурально вытянулось лицо. Она часто заморгала и обернулась на рогатого демона с огромными крыльями. Мне почудилось в её взгляде удивление, граничащее с восхищением, но эмоция быстро пропала и Прекраснейшая снова превратилась в статую. В зале совета стало настолько тихо, что время остановилось. Все замерли. Даже Камилла перестала всхлипывать и стояла, приложив ко рту промокший от слез платок. Можно было и не тащить её сюда. Я прекрасно справилась с заданием Ковена сама.

Не верилось никак. Я словно в десятый раз смотрела один и тот же фильм и потому на кульминации ничего не чувствовала. Я только что избавила два королевства от одержимых исчадиями Ада людей. Вот так нагло, с наскока и совершенно по-гусарски. Хотелось удивленно наморщить лоб и переспросить: «Правда, что ли? Правда?»

Владыка качнулся к ограждению ложи, и тьма вокруг него завернулась спиралью.

– Совет Междумирья закрыт. Надеюсь, все стороны Совета довольны решением.

Его «надеюсь» звучало так, что не терпело возражений. Глава Темных оправилась от шока и торжествовала. А мне снова стало жарко от пристального взгляда. Но теперь я знала, чей он был. Мессира Данталиона. Герцога Ада.

Глава 5. Договор с демоном

Демоны и колдуны потянулись на выход, как зрители после спектакля. Светлячками вспыхивали порталы, ревело адово пламя и пахло то озоном, то серой. Тот еще коктейль, скажу я вам. Обонять неприятно. Так можно говорить? Или нужно «чувствовать»?

– Заносчивая девчонка, – прошипела тетушка, спрятав мокрый платок в лиф платья.

Быстро она оправилась от горя и вернулась к оскорблениям.

– Я выполнила волю Верховной, – на всякий случай напомнила ей.

– Нет! Ты уничтожила нас! – рявкнула Камилла. – По твоей милости мы вместо нескольких дюжин подселенцев получили высшего демона! Пусть покарает Белая магия это отродье тьмы! С ним нет сладу. Он зол, могуществен и непобедим. Он...

– Мадемуазель.

Я вздрогнула от прикосновения к плечу, но это оказался всего лишь Темный колдун. Надо же. Теперь тот, кто пугал и вызывал кучу вопросов, стал «всего лишь». Вот правильно говорят, что все познается в сравнении.

– Вас ждут в родном мире, так поспешим, – деликатно напомнил он, что счетчик у местного такси между мирами нещадно наматывает цену.

Будем перепираться здесь – Ковен потом с колдунами не рассчитается. Камилла это тоже понимала, поэтому безропотно протянула руку и вымучила улыбку:

– Господин Киару.

Колдун брезгливо сморщился, глядя на её толстые пальцы и липкую от пота ладонь. Перчаток Темные не носили. Пересилив себя, господин Киару взял тетушку за руку и забормотал под нос заклинания. Татуировки на голом предплечье ожили и две спирали эффектно окрасились золотым цветом. Камилла зажмурилась. Видимо, тоже с трудом выносила переход, а ко мне уже шел «мой» колдун. Сейчас выдернет обратно в Брамен, и я больше никогда не увижу Междумирье. Золотые капли на его татуировках уже вспыхнули оттенком заката, он почти коснулся моих пальцев, но вдруг шагнул назад и почтительно склонился:

– Герцог Данталион.

– Господа.

У меня в животе похолодело, и тугой лиф чужого платья стал нестерпимо тесным. Нет, конечно, он имел права поинтересоваться, кто устроил ему служебную командировку в мир людей. Но я не ждала, что снизойдет до смертной ведьмы. Только бы не пялиться на его уродства. Камилла вон стоически терпела, хоть и открыла рот.

– Селеста, – пискнула она, но Темный успел дочитать заклинание. Тетушка исчезла из Междумирья с громким хлопком. Ай, я осталась одна! Черта поклялась больше не упоминать и с трудом нашла силы, чтобы к нему обернуться.

Первой мыслью было: «Что за... обман?» Вместо чудовища с рогами и копытами передо мной стоял рослый мужчина в серой мантии до пят. Его темные волосы были аккуратно уложены, а зеленые глаза поблескивали интересом. Красивый какой. Мамочки, просто чудо, как хорош. В жизни не видела такого привлекательного мужчину. Стоп, где мой амулет? Демон уже действовал на меня своими чарами?

Я схватилась за каплю застывшей смолы на веревочке. Уф, холодная. Камилла предупреждала, что активный амулет будет нагреваться. Если он спокоен, то в защите я не нуждаюсь.

Наглая ложь! Я краснела, бледнела и кусала губы. Проклятье, у него еще и родинка над губой! Нет, это невозможно! Где он взял настолько безобразную

одежду? Будто английского принца одели в рубище. Это демон? Seriously?

– Рад приветствовать ведьму из рода Дюбуа, – сказал герцог низким, бархатным голосом и улыбнулся.

Они определенно состояли в родстве. Изабэль и худенькая девушка, затравленным зверьком смотрящая на высшего демона. Зная людей, Данталион мог с уверенностью сказать, что это дочь или, в крайнем случае, младшая сестра. Та же родовая вязь на отпечатке духа, те же черты лица и даже привычка вздергивать нос в ответ на приветствие.

– И я рада встрече, мессир.

Голосок тоненький, как писк забившейся в угол мыши. Зеленые глаза размером с блюдце и по-детски округлые щеки. Пройдут года, и припухлость исчезнет, а овал лица станет аристократическим. Фигура хрупкая, но ладная. Герцог хотел позавидовать тому, кто назовет её своей, но не стал. Глупа, наивна и любит совать нос, куда не следует. Прибавить к этому манеру дерзить Владыке демонов и сразу захочется обходить её стороной. Упадок в Белом Ковене, если на Совет Междумирья приезжают такие ведьмы. Но исходящий от неё аромат сандала и кунжута интриговал. Странная смесь.

Темный нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Уже держал девицу за руку, готовясь к переходу. Зачерпнул силы, вывел плетение, а здесь демон со светской беседой.

– Господин Изазу, – обратился герцог к нему, прочитав вязь клана на татуированном плече, – позвольте мне самом доставить в мир людей мадемуазель Дюбуа.

Колдун нахмурился, явно не желая выпускать добычу, а потом посмотрел на демона осуждающе. Ах, да, репутация ведьмы. Не зря она явилась на совет под опекой компаньонки. Люди придавали слишком много значения девичьей чести,

фанатично оберегая её до ритуала бракосочетания. Муж хотел быть уверенным, что жена понесет дитя именно от него. Глупец. Никто не мешал нагулять плод после того, как девственности уже не станет. Данталиона забавляли подобные мелочи, и он не смог отказать себе в удовольствии смерить закутанную в тряпки девицу самым похотливым взглядом, на который был способен.

У мадемуазель немедленно вспыхнули щеки. Надо же. Действительно невинна? Тогда находиться одной в компании демона ей на самом деле опасно. Плевать. Лишние уши герцогу были не нужны. Тем более уши Темного.

– У меня к мадемуазель важный разговор исключительно об её пламенной речи на Совете, – холодно сказал Данталион. – Желаете поучаствовать?

Колдун в иерархии Темных стоял на две ступени ниже герцога Ада. Переносить через грань миров белых ведьм у них не считалось почетной миссией. А переходить дорогу высшим демонам запрещала Мормолика. Изазу еще раз почтительно склонился и ответил:

– Я не смею, мессир. Позвольте оставить вас с юной Дюбуа наедине. Селеста, надеюсь, воля Тьмы еще сведет нас вместе.

Ведьма выстрадала улыбку и нехотя забрала руку из ладони колдуна.

– Мир тесен, господин Изазу. Все может быть.

Чтоб она на совете там обдуманно отвечала! Герцог даже языком цокнул с досады. Женщины всегда были сильны задним умом. И словоохотливы, когда не нужно.

Темный исчез, как обещал, и ведьма отшатнулась от демона. Боится? Уже неплохо.

Значит, Селеста. Дочь. Изабэль рассказывала о ней. В основном просила не причинять девочке вреда, если ей доведется встретиться с кем-то из слуг Ада. Обещала выдать замуж и спрятать подальше от Ковена. Почему передумала? Селеста здесь вместо матери. Невинная, незамужняя и с ветром в голове вместо мудрых наставлений. От загадки веяло горечью кипариса. Древа смерти. Но

разбираться со всем стоило по порядку. Сначала узнать, как юную Дюбуа угораздило столкнуться покровителя своей матери с Беритом и Владыкой.

– Мадемуазель Дюбуа, – обратился к ней демон пока еще сдержанно и почти ласково. – Скажите честно, вы представляете, на что обрекли свой мир?

– Обрекли его давно и другие люди, – снова ответила дерзостью ведьма. – Раз позволили демонам и колдунам решать, как им жить. А я сделала для своего мира больше, чем могла бы.

Фантастическая беспечность! Герцог сжал кулаки, надеясь, что от вспышки гнева на лбу не прорежутся рога. Адски тяжело себя контролировать, видя подобную детскую непосредственность и слушая неуместное хвастовство.

– Ваша драгоценная матушка не показывала вам людей, одержимых слугами Темных? – процедил он сквозь зубы, стараясь не скатываться в грубость.

Но ведьма отреагировала на вопрос не так, как он ожидал. Селеста разозлилась. Чувствительный нос демона немедленно уловил запах черного перца.

– Нет. Она не успела. Слишком рано умерла, вам ли не знать?

И ведь не скажешь, что новость неожиданная. Будь Изабэль жива, сама бы пришла на совет и не допустила такого фатального промаха, как её дочь.

– Когда она умерла?

– Вчера, – медленно кивнула Селеста. – Хотите сказать, что не в курсе?

Даже ногой топнула и возмущенно выдохнула. Но герцог думал и не обратил на выпад внимания. Старшая Дюбуа не была смертельно больным человеком, естественная смерть отметалась. А в несчастные случаи, не подстроенные врагами, Данталион никогда не верил.

– Её убили, – озвучил вердикт демон.

– Надо же! – фыркнула ведьма. – И как вы догадались? Да, мессир, убили. Подсыпали яд в куриные потроха. А верховная ведьма Ковена учуяла демона. Даже теперь будете отпираться, что не ваших рук дело?

Таким девицам в Аду языки отрезали. Герцог Агарес носил ожерелье из них. Особо острыми хвастался, как трофеями.

Однако запах демона – важная деталь. Аморот действительно умела его различать. Верховная настолько стара, что помнила те времена, когда интрижка с высшими не считалась зазорной. Асмодей любил развлекаться в мире людей чуть ли не с половиной Ковена одновременно. Оргии продолжались неделями. Считалось, что зачать от демона невозможно, поэтому ведьмы никак себя не ограничивали. А потом в белой магии их дочерей проявлялась сила Ада. Сама по себе будто ниоткуда. Даже через несколько лет, когда ведьма была уверена, что понесла от человека. Пламя упрямо вмешивалось в душу, и когда девочка вырастала, то вместо того, чтобы защищать и лечить людей, становилась хуже самых безумных подселенцев. Их уничтожили всех, а ведьмам навсегда запретили приближаться к демонам.

Данталион в один шаг оказался рядом с Селестой и шумно потянул носом воздух. Тяжело поймать. Междумирье смердило демонами после Совета не хуже одного из кругов Ада. Многих герцог знал лично и легко находил на общем фоне. Но одна нитка оказалась незнакомой. Еще и пахла неправильно. Стоило проверить в мире людей, а сейчас предположить, что Изабэль не была святой до замужества и рождения Селесты. От её дочери настойчиво тянуло силой Ада. Сюрприз. На этот раз приятный. Так вот откуда взялся сандал с кунжутом!

– Чем от меня пахнет? – раздраженно спросила Дюбуа. – Герцог, прекратите нюхать! Я видела вас в демонической форме. Собачьей морды не было!

– Пытался угадать запах, о котором вы говорили. Вас он не коснулся, – соврал Данталион и Селесте было рано знать почему. – Я должен оказаться на месте, где убили вашу мать. Тогда, возможно, смогу сказать больше.

Всегда оставался шанс, что худшее предположение верно и дело вовсе не в легкомыслии Изабэль. Её действительно могли убить по приказу кого-то из высших. Берита, например. Любовник Мормолика мог узнать о связи одной из старших со вторым фаворитом владыки. Понять, что она на Совете поддержит

Данталиона и подстраховаться. Убрать Дюбуа, а вместо неё в последний момент подсунуть девчонку.

Выходит, Аморет почуяла кого-то из слуг, пробравшегося под защитные купола Изабэль? Её убили, чтобы не дать сыграть заодно с неудобным для Берита соперником, а дочери вложили в голову нужные слова. Не такая уж сложная комбинация и финал предсказуем.

Белый Ковен – ничто, копали под него. Под Данталиона. Владыка слушать не стал возражения и отправил одного из хозяев круга разбираться с капризами белых ведьм. Жестко, уверенно, подготовлено. И Берит развел руками. «Да, Владыка. Нет лучшей кандидатуры. Данталион справится». Разумеется. А если нет, то наказание будет жестоким. Если герцог до него доживет. В мире людей одержимые в очередь выстроятся, чтобы его убить. Единственный шанс. Высший демон без сил, власти и в одном только смертном теле. Лакомая добыча. Слюной можно захлебнуться, насколько. И все благодаря прелестному ребенку с огромными, как блюдце, глазами.

– Мы отправимся в мир людей, – холодно сказал герцог. – Но прежде заключим договор.

Голос у него был – заслушаться. Такой подошел бы диджею на радио, выходящему по ночам в эфир с программой «Откровенно о самом сокровенном». Дивный тембр. Бархатный и волнующий. Я с трудом ловила мысль и старалась изображать убитую горем дочь. Представлять не хотелось, какого это, потерять мать, и я скорбно молчала, лишний раз не поднимая взгляд. Ладно, смотрела в пол я по другой причине. Не знаю, все ли демоны в человеческом облике настолько хороши собой, но Данталион великолепен.

Мамочки, где ж я так нагрешила в прошлой жизни, что в этой меня тянуло исключительно на отвратительных мужиков с внешностью голливудских красавцев? Хулиганы в школе с настолько породистыми мордами, что поверить в родителей-алкашей не получалось. Приснопамятный Васильев Евгений Александрович, ухоженный и одетый лучше многих гламурных дев. Бабник и

моральный урод. Теперь вот герцог Ада.

Да, мессир – апофеоз моей симпатии к плохим мальчикам. Практически Эверест ненормальной тяги к тем, кому на меня плевать. Почему? Объяснит мне кто-нибудь, почему я не влюблялась в тихих, скромных и домашних мальчиков? Зачем мне мерзавцы? Сама ведь не особая оторва. Ну, подралась пару раз в школе, списывала на экзаменах в институте, нищим не подавала и старушек в автобусах игнорировала, место им не уступала. Всё. За что мне такая канитель?

Договор хотел герцог. Я с трудом отвлеклась от голоса высшего демона и постаралась включить мозги. Изабэль была не против договориться, но её причина не актуальна. Данталион подмены душ в теле Селесты не почувствовал. Или увидел, но промолчал. Мне же лучше, никто не будет выкатывать претензии, что занимаю чужое тело. Хозяйка умерла, а я, образно выражаясь, вселилась в опустевшее жилье. Что-то глобальное? Договор с ведьмами Ковена и Темными скрепил Владыка, здесь моя роль маленькая. Что еще хотел герцог?

– Я вас внимательно слушаю, – заявила ему и стала ждать что-то вроде пергамента с вязью рун, чтобы подписать его кровью.

С кровью угадала. Мессир кивнул, достал из складок мантии антикварный кинжал и без предупреждения, нагло, сильно и очень резко дернул меня за руку. Я взвизгнула, когда ладонь обожгло болью. Козел! Он меня порезал! Черт, больно! Поклянись тут не чертыхаться, когда такое творится.

– Ай, герцог! – возмутилась я и забыла, что еще хотела сказать.

Демон, не моргнув глазом, провел лезвием по запястью руки, которой держал меня. В Междумирье запахло медью. Меня замутило, а железистый привкус уже ощущался на языке. Кровь демона оказалась такой же красной, как у людей, разве что была намного горячее.

– Я знаю, что белые ведьмы ненавидят ритуалы на крови, – сказал герцог, спрятав кинжал обратно в мантию. – Но иначе договор не скрепить. Повторяйте за мной: «Я, Селеста из рода Дюбуа, клянусь служить герцогу Данталиону и выполнять все его приказы».

– Ага, может вам еще ключ от квартиры дать, где деньги лежат? – не удержалась я, в приступе злости забыв о том, что изображаю ведьму в другом мире. – Или мамин дом подарить? Я не стану давать такую клятву.

– Вот и желей после этого молоденьких ведьм и оборачивайся ради них человеком, – вздохнул демон.

Я пикнуть не успела, как он свободной рукой распустил завязки мантии на спине. Заклинаний не читал, огнем не дышал, просто повел плечами и взмахнул крыльями. В небе они выглядели не так монументально, а вблизи захватывало дух. На язык просились неуместные вопросы: «Как он ими машет? Особыми мышцами, да? Ему не тяжело? В ураган не сносит? Тот еще парус...»

Определенно в другой мир стоило попасть уже для того, чтобы на моих глазах обращался в истинную форму высший демон. Его кожа стала темной и грубой, как красное дерево. Выросли рога, загнувшись вверх и назад, а в глазах полыхало настоящее пламя.

– Ты больше не на совете, стебелек, – прогрохотал Данталион, совсем как Владыка. – А я не в настроении играть с тобой в доброту. Темные ушли, вернуть тебя домой больше некому. Без договора ты навсегда останешься в Междумирье. Согласна?

Нет, конечно! Но у меня язык отсох, пока я смотрела на того, кто требовал связать нас узами договора. Еще вчера я дел с ним иметь не хотела, а теперь роняла на пол капли крови и тщетно пыталась вырвать из хватки демона порезанную ладонь. Наша кровь уже смешалась, сдавалось мне, что устная формулировка – всего лишь формальность, но крайне важная. Фауст душу продал дьяволу, а у меня требовали подчиняться приказам герцога Ада. Безвозмездно, разумеется. В наказание за выступление на Совете. Я, конечно, предполагала, что демоны разозлятся, но не думала, что возмездие настигнет так быстро. Как же вернуться домой и себя не потерять?

Туда, где я родилась, вернуться уже не рассчитывала. Моё тело похоронили, а безхозных было не найти. Мне хотя бы в Брамен. В Междумирье пусто, страшно и есть шанс сдохнуть с голоду. Значит, нужно торговаться. Причем так, как должна торговаться белая ведьма.

– Клятва ужасна, – пролепетала я, еще раз попытавшись вырвать руку. Бесполезно. Силища у демона по-настоящему адская. – Если вы, герцог, завтра прикажете мне вырезать полгорода, то я буду обязана сделать это, верно? Убить родных, близких, друзей – всех, кто мне дорог. Ваши условия – рабство. Мне лучше умереть здесь, чем вернуться с ярмом на шее и в полном подчинении у мужчины. Демона. Да Аморет исключит меня из Ковена, когда узнает! Запугайте хоть до икоты, но я ни слова из клятвы не скажу.

Блефовала я с решением Верховной, но демон, кажется, было все равно.

– Хорошая попытка разжалобить. Могло сработать, но я в ваш мир тоже не на веселый пикник собираюсь. Поэтому сделаем так.

Демон перехватил моё запястье и, выждав паузу, сказал:

– Я, герцог Данталион, клянусь не причинять вреда Селесте из рода Дюбуа.

Порез на ладони снова обдало жгучей болью, и часть смешанной крови заискрила, будто я сунула пальцы в розетку. Красиво, но страшно аж жуть. От нового визга я удержалась чудом и не сразу поняла, что герцог только что пообещал не трогать меня. Благородство? Не думаю. Скорее хитрый ход, чтобы успокоить меня. Однако рассчитывать на большее не стоило. Спасибо хотя бы за это.

– Город мне не интересен, – перешел на деловой тон демон, хотя голос до сих пор грохотал так, будто он мне приговор зачитывал. – Только подселенцы и слуги Темных, о которых покойная матушка забыла вам рассказать. Контроля над первыми вы так настойчиво требовали на совете, а вторым разрешили делать все, что они захотят. Сами вы с ними не справитесь, поэтому в ваш мир иду я. Как видите, все ваши капризы выполнены. Говорите клятву. Ну, или можете отгрызть свою руку и сбежать, потому что я вас не отпущу. Я вообще крайне терпелив и сил у меня достаточно. Надоест торчать в Междумирье – заберу вас с собой в Ад.

Сволочь! Шантажист! Я замахнулась свободной рукой, чтобы вклепить ему пощечину, но он легко её поймал и завел мне за спину так, что я оказалась прижатой к его груди. В нос ударил запах дыма и серы. Мантия провоняла им насквозь. Я дергалась и задыхалась, но ничего сделать не могла, а демон

развлекался. Вот смешно ему было от сопротивления слабой девушки, которая даже ответить не может. Я пыталась пинаться и кусаться, но быстро устала. Обмякла в его руках и готова была разреваться от злости и бессилия. Будь он проклят! Чтоб он сдох тысячу раз и мучился так, как ни один грешник в Аду. Урод! Козел! Демон...

Я сдалась и тихо забормотала слова клятвы, зная, что меня услышат.

– Я, Селеста Дюбуа, клянусь служить герцогу Данталиону и выполнять все его приказы, если они нацелены на защиту человеческого рода и не причинят вреда ни одной белой ведьме.

Кровь снова стала свидетелем клятвы, и демон, наконец, отпустил меня.

Глава 6. Дорога в Брамен

Ведьма смотрела на герцога так, будто готовилась убить. Нервно кусала губы и зажимала рану на ладони. Да, больно, унижительно и не очень приятно, но без договора с тем, у кого есть магическая сила, высшему демону в мире людей будет не просто. Пусть даже это слабая целительница. А если вспомнить запах демона... Впрочем, не стоило заглядывать так далеко. Сначала в славный город Брамен нужно вернуться.

– А теперь, мадемуазель Дюбуа, – насмешливо сказал Данталион, складывая крылья за спиной, – представьте сарай возле вашего дома. Вокруг чистое поле и ни одного живого человека. Хорошо представьте. Вот прямо сейчас.

У ведьмы и здесь нашлись возражения. Безобидная просьба, даже не приказ с удавкой на шее, но все равно в штыки. Стебелек сложила руки на груди и, глянув исподлобья, спросила:

– Вы собрались копать в моих мыслях, мессир?

– Разумеется, – пока еще спокойно ответил герцог. – Мир людей велик, если вы до сих пор не замечали. А я настолько любезен, что хочу доставить вас к порогу родного дома. Не совсем к порогу, конечно. Вы недавно возмущались, что в Ковене дружбу с демонами не одобряют. Поэтому пусть будет сарай в тихом и уединенном месте. Помогите мне. Представьте, как он выглядит, иначе я дорогу не найду.

Селеста нервно кусала губы и теребила медальон на груди. Глупая безделушка, не способная защитить даже обычного человека, не то, что ведьму. Любимицы Белой магии источали мысли, как цветы аромат. Данталион, не прекращая усмехаться, вообразил себя пчелой и нырнул в юную Дюбуа.

Чего она боялась и не хотела показывать? Первую влюбленность, скрываемую, как позорную болезнь? Тайну воровства продуктов с рынка? Дурные привычки? Человеческие грехи редко бывают интересными. А женские и вовсе на одно лицо. Там просто нечего прятать с таким усердием.

Образы порхали яркими бабочками, но герцог не узнавал половину. Дома, улицы, даже фонари выглядели иначе. Богатое воображение у девицы. Скверно. Так она никогда на точку выхода из портала не настроится.

– Поцелуйте меня, – велел Данталион.

– Может, сразу трусы снять и на спину лечь? – огрызнулась ведьма.

Напрасно. Благодушный настрой демона сошел на нет. Глупая, упрямая девчонка. Неужели уверена, что ему нравится бесконечно уговаривать, объяснять и угрожать? Хотя теперь есть договор и можно поступить по-другому.

– Это приказ, – тихо ответил Данталион, и в воздухе вокруг шеи ведьмы закружились белые искры, превращаясь в магическую удавку.

Созданная ритуалом связь ревностно следила, чтобы клятвы соблюдались. Ведьма отпрянула назад и вцепилась в блестящий обруч, но только без толку поцарапала шею. Удавка сжималась, терзая и мучая, а демон терпеливо ждал, когда урок будет усвоен.

– Ненавижу, – на остатке воздуха прохрипела Дюбуа. – Я согласна.

Искры вспыхнули и погасли. Ведьма ощупывала шею и пыталась сколотить на неё глаза. Нет, все в порядке, следов не осталось.

– Надеюсь, это нужно для перемещения домой. Иначе... мы, ведьмы, тоже мстить умеем, – нервно выдохнула Селеста и шагнула к герцогу. Смело, учитывая, что перед ней стоял высший демон в истинном облике. Он дыхание затаил, гадая, отразится на лице Стебелька отвращение или нет? Невероятно. Бровью не повела. Встала на носочки, зажмурилась и чмокнула в губы.

Герцог облизнулся. Волна чужих эмоций забавляла и пьянила одновременно. В выжженном дотла Аду – изысканный деликатес. Может быть, поэтому он поддался искушению и позволил себе чуть больше, чем нужно для перехода? Вернул человеческий облик, и прижал ведьму к себе, чувствуя, как вздрагивает в руках.

– Этого недостаточно. Закройте глаза и думайте про сарай, поле и чтоб никого вокруг. Теперь я вас поцелую.

– Мне почему-то кажется, что вы меня обманываете, месье, – обиженно засопела ведьма и попыталась оттолкнуть демона. – Темные нас не целовали, а всего лишь брали за руку. Порождения Ада настолько слабее Темных колдунов?

Данталион её почти не держал, а она почти не вырывалась, только дерзила и пыталась заговорить зубы. Демону.

– Я велел закрыть глаза и думать о сарае, – строго сказал герцог. – Если вы будете все приказы исполнять после долгих споров, то подселенцы разбегутся раньше, чем я до них доберусь. Темные колдуны могут таскать через грань миров, как им нравится, а я должен видеть точку выхода из портала. И для этого нужно настроиться на вас. Да, поцелуем это сделать проще всего.

Ведьма недовольно фыркнула, но уступила. Снова закрыла глаза и по-детски потянулась губами, ожидая поцелуя. А герцогу пришлось медленно выдыхать. Проклятье, никогда ведь не тянуло на слишком молодых. С ними больше хлопот, чем удовольствия. Но ведь отзывалось тело.

Данталион снова нырнул в мысли ведьмы, разыскивая сарай. Теперь образ сложился, но устойчивости не хватало. Доски шли рябью, меняя цвет, дверь напознала на окно, и сено то появлялось, то пропадало. Нет, так между мирами перемещаться нельзя.

– Глаза не открывайте, – предупредил демон и скинул мантию с плеч. Путешествие не обещало быть легким. Себя бы протащить через крошечный прокол в грани миров, не до одежды. Колдунам нужен телесный контакт, а демонам ментальный. Нельзя просто сказать ведьме: «Думай обо мне и держи точку выхода». Не сможет с непривычки делать и то, и другое. Что-то потеряет и тогда они либо вынырнут не там, где хотели, либо придут по частям. Поцелуй – действительно хорошее решение.

Герцог провел кончиками пальцев по щеке ведьмы. Селеста вздрогнула, но только крепче зажмурилась. Лишь бы весь Совет успел разойтись по своим мирам, потому что выглядели они со стороны, как любовники. Старалась девчонка, демон увидел, наконец, то, что хотел. Дощатую, грубо сколоченную постройку, а внутри стог сена. И даже почувствовал дурманящий запах свежескошенной травы.

Он коснулся губ ведьмы поцелуем. Услышал, как отчаянно заколотилось девичье сердце. Вспоминал взгляд исподлобья, дерзкие слова сквозь упрямо сжатые губы, которые так сладки, если раздвинуть их языком. Темнота засасывала, выжимая из него силы. Междумирье закручивалось спиралью. Данталион падал в неё и тонул. Из последних сил прижал к себе Селесту, чтобы не потерять. В следующее мгновение чудовищная боль прошла по телу, дробя кости и выворачивая наизнанку. Сознание вспыхнуло и угасло.

Обратный переход с демоном был как очень хороший и дорогой наркоз. Я просто закрыла глаза и через мгновение открыла. Губы саднило от поцелуя, на разгоряченную голову падали тяжелые капли воды, и я лежала на чем-то большом и теплом.

– Черт! – вырвалось у меня на весь Брамен.

Герцог вытряхнул нас из портала прямо посреди вспаханного поля в десятке шагов от сарая. Ювелирная точность. Действительно высший демон и действительно очень крутой. Вот только я не была уверена, что это сарай Изабэль. Я вообще кроме поместья в хозяйстве Дюбуа ничего не видела. Думала наугад, считая, что авось где-нибудь рухнем, а на месте разберемся. Дура, знаю, но не признаваться же герцогу Ада в подобных тонкостях? Ему сейчас явно не до этого.

Один из высших демонов валялся в грязи под дождем абсолютно голый. Что, правда? Я чуть сдвинулась в сторону и посмотрела на его живот и ниже. Ай, совершенно голый!

Первой мыслью было: «Ого, там все, как у нормального мужчины», а второй: «Да он сейчас себе это отморозит». Не знаю, рассчитывал ли он всерьез на потомство и как могли выглядеть новорожденные демонята, но вдруг пригодится? Целовался мессир Данталион так, что у меня голова кружилась, и сердце стуком заходило. Соврал, проклятый, что исключительно ради перехода. Так, стоп! Не важно ради перехода или нет. Один поцелуй и всё. Точка. По приказу все было. Против моей воли и с удавкой на шее. Блин, удавка!

Я с досады свалилась с герцога прямо в грязь. Безразмерные юбки продолжали жадно впитывать дождевую воду и воровать мое тепло, но я умудрялась не мерзнуть. Меня жарило от адреналина. Договор! С демоном! Я все-таки продала душу дьяволу, и он немедленно этим воспользовался. Сначала поцелуй, потом что? Нет, я под него не лягу! Обойдется! Пусть хоть десять удавок на шею накинёт.

Я со злости саданула кулаком по земле и тут же зашипела. Рана на ладони болела. Целитель я или кто? Залечить нужно. Но сначала растолкать герцога, а то на самом деле замерзнет насмерть. Нет, туда ему и дорога, конечно, но одно дело ненавидеть и совсем другое вот так бросить беспомощного.

– Мессир! – крикнула я ему в ухо. – Подъем! В Бармене сейчас ужин. Макароны!

Эх, не видать мне теперь макарон до конца жизни, но там, куда мы упали, на самом деле вечерело. Я еще раз внимательно огляделась и с третьей попытки увидела за деревьями с южной стороны поля огромное поместье. Так, уже неплохо. О, знакомый флюгер! Вместо стандартного петуха, призывающего по

утрам солнце, поместье Дюбуа венчал черный кот, играющий с клубком, и мыши возле него. Я еще усмехнулась, мол, куда ведьма без черного кота? Потому и запомнила, пока шла по двору до повозки, чтобы уехать на встречу с темными колдунами.

Значит, и сарай тоже принадлежит семье Изабэль. Впору хлопать в ладоши и взвизгнуть, как мне повезло вообразить правильный сарай, но нет. Я видела его из окна спальни, просто забыла, а когда понадобилось, подсознание услужливо воспроизвело последний образ. Нет, все-таки повезло. Хорошее у меня подсознание.

– Мессир, – попыталась я встряхнуть демона за плечи. – Просыпайтесь! Я одна вас до сарая не дотащу! Что вы хотите от хрупкой девушки? Сами вон какой здоровый и крепкий. Кубики пресса на зависть качкам.

Откуда у него кубики-то? Я трянула головой, крепко зажмурилась, а потом снова открыла глаза. Блин, правда, кубики! И без мантии весь, как с картинки. Мускулистый, подтянутый. Даже татушка на шее есть. Я вообще в средневековье или где? Может, у него и пирсинг в пупке найдется? Нет, туда я больше смотреть не буду. Хватит. И так краснею из-за того, что голого мужика разглядываю. Многие бы сейчас фыркали, что ничего нового не найти, а я только на картинках и видела. Вживую ни разу. И сейчас сразу не кто-нибудь, а целый герцог Ада. Голый. Красивый. С тату на шее. Что там, кстати? Странное нагромождение пересекающихся крестов и росчерков, заключенное в круг. На печать похоже или клеймо. Нет, у герцога клейма быть не могло в принципе. Так метят скот и максимум слуг, а он – высший демон.

– Мессир! Вы взаправду слабее Темных колдунов или прикидываетесь?

Демон вздрогнул и открыл глаза. На мгновение мне показалось, что в них полыхнуло пламя, но наваждение прошло. Обычные зеленые глаза. Он, в отличие от меня, сразу понял, а, может быть, вспомнил, что раздет, и резко сел, прикрываясь руками. Да не видела я там ничего! Я приличная, благовоспитанная ведьма.

– Долго я... – начал спрашивать демон и закашлялся. – Долго меня не было?

– Да кто ж вас знает? Я очнулась – вечер. Хотя уходили мы на Совет Междумирья утром.

– Время там идет по-другому, – сипло ответил демон и снова закашлял, как чахоточный. Простыл, а мне его лечить?

– Сами виноваты, – ядовито заметила я. – Сами напросились тащить меня в Брамен. Темные колдуны в обморок после перехода не падали. Еще одно очко в их пользу.

Демон скрипнул зубами и свирепо глянул на меня исподлобья.

– Поэтому белых ведьм, не способных добраться до Междумирья самостоятельно, именно Темные и водят за руку.

Попытки задеть мою гордость не увенчались успехом. Селеста может, и обиделась бы, но мне-то что? Напротив, от ситуации стало смешно. И удержать язык за зубами совершенно невозможно:

– Куда уж сильным демонам до таких мелочей? Фи, непрестижно. А вот скажите мне, пожалуйста, зачем было раздеваться?

Герцог сузил глаза и ссутулился. Замерзший, голый, в грязи с ног до головы. Но смотрел на меня по-прежнему так, будто за спиной гигантские крылья, а на лбу ужасающие рога.

– Это вы возвращались домой, мадемуазель Дюбуа, а меня здесь никто не ждал. Ваш мир враждебен. Мне даже собственное тело доставить тяжело. И каждая лишняя мелочь вроде одежды только во вред.

«Это вы, герцог, враждебны нашему миру, а не наоборот» – хотела заявить я, но прикусила язык. Выводить демона из себя – плохая идея. Даже если он выглядит, как человек, и кажется неопасным.

– Мессир, не нужно злиться, – примирительно сказала я, – мы, слабые и глупые ведьмы, знать не знаем о тонкостях перемещения между мирами.

Данталион рассерженно фыркнул, и я приготовилась выслушивать очередную издевку или приказ, но он промчал.

– Простите мне невежество, – тихо сказала я.

Потом даже поднялась и присела в реверансе. Демон жест не оценил. Я в реверансе выгляжу хуже коровы в юбке? Хотя платье тоже заляпано грязью чуть меньше, чем полностью, а крестьянское поле под дождем – не лучшее место для таких любезностей.

– Воды принеси, – зло ответил герцог, – и найди мужскую одежду. Это приказ.

– Слушаюсь и повинуюсь, – смиренно ответила я, но, кажется, опять кривлялась. – Сарай там. Располагайтесь. Я мигом.

Отвернулась, чтобы не видеть, как он встает на ноги, даже не думая больше прикрываться рукой, и пошла по полю до поместья Дюбуа.

Хлюпающие шаги ведьмы за спиной раздражали. Холод раздражал, грязь и усталость. После перехода у демона болело все, что могло. Зубы, будто по одному выбивали, а от тела кусками отрывали мясо. Упасть бы сейчас и не вставать, но нужно помнить, кто он и где находится.

Дождь стучал каплями по голове и плечам, тучи нависали свинцовой тяжестью. Словно ледяное озеро Коцит перевернули и прилепили на небо. Холод. Демоны ненавидели холод. И если Данталион его чувствовал, значит, вышел из портала куда большим человеком, чем рассчитывал. Паршиво.

Рана на запястье до сих пор не затянулась. Липкая сукровица пыталась стянуть края, но они легко расходились, стоило надавить пальцем. Герцог лизнул рану, как делал всегда, однако ничего не изменилось. Регенерация демонов в минус. Тело по-настоящему слабо и смертно. И ощущать себя в нем было крайне неприятно.

Скоро грязь начнет высыхать, трескаться и отваливаться кусками. Поле продувалось насквозь. На такой погоде, будучи голым, легко подхватить горячку. И тогда высший демон вернется в Ад, как обычный грешник. Просто умрет.

Данталион разочарованно цокнул языком, а потом представил морду Минотавра, когда герцог появится рядом с ним в родном седьмом круге. Интересно, во Флегетоне попробует утопить? Ну, потехи ради. Герцог бы сейчас от кипящей крови красной реки, в которой топили убийц, не отказался. Она хотя бы горячая.

Данталион покрутил головой и увидел недалеко от сарая колодец. Пока Дюбуа раздобудет воду и вернется, он сам успеет отмыться. Честно говоря, особо на неё не рассчитывал. Прогнал с глаз. Девушка из богатой семьи, за которую все делают слуги, едва ли знала, как крутить ворот. Раз уж пошла выполнять приказ в поместье, а не к колодцу.

Откуда бытовые мелочи знал герцог? Уже не помнил, но с ведром на цепи справился. Перелил студеную воду в другое ведро и потащил к сараю.

Грубо сколоченное из досок строение оказалось запечатано защитной руной. Изабэль явно не пускала сюда посторонних, и Данталион догадывался почему. Инквизиция в Брамене давно не лютвала, но ведьмы слишком хорошо помнили прежние времена, когда столбы для сжигания на площади ставили к каждому церковному празднику.

Должно быть внутри мастерская, где охранительница делала амулеты. Или библиотека с запрещенными книгами. В любом случае отвести глаза от сарая не помешает. Но руна защищала не от людей, а от демонов.

Данталион аж присвистнул, читая древние символы родного языка. Изабэль очень хорошо знала, что делала. Мелкие бесы обязаны в ужасе разбежаться, подселенцы осторожно обходить стороной, а высшим демонам неприятные ощущения должны подсказать, что им здесь не рады. Однако герцог толкнул хлипкую дверь рукой и ничего не произошло. Забавно. Руна не сработала? Или её специально лишили сил?

Демон закрыл дверь и толкнул её еще раз. Ничего. Кхм. Ловушка? Если на него лично, то слишком быстро. Берит мог подговорить Владыку отправить в мир людей именно Данталиона, но точку выхода из портала он выбрал сам. Никто бы не успел прибыть первым и наложить чары. Тем более руна вырезана на деревянной притолоке ножом и края успели закруглиться от ветра и дождя. Старая защита. Значит, точно не от него.

– Кого же ты боялась, Изабэль? – пробормотал в шум дождя герцог. – И почему перед смертью сняла руны?

Нужно проверить другие защитные знаки. Наверняка, в доме их было не мало. А потом задавать вопросы Селесте. Не мудрено, что после смерти ее матери в поместье смердело демонами. Их будто специально сюда звали.

Данталион издали чувствовал интригу и уже признавал свое в ней участие. Очень ловко на герцоге сходились концы нитей. Ни один цикл плелась паутина. Изабэль, её загадочная смерть, неожиданная любвеобильность Мормолика и безумная выходка Селесты на Совете. По отдельности – ничего неожиданного, но если сложить вместе, то пропадало всякое желание заходить в сарай.

А что делать тогда? Бежать обратно в Ад? Связь с ним Данталион по-прежнему чувствовал, но чтобы вернуться, нужен ритуал или желание Владыки выдернуть своего вассала обратно. Можно было, конечно, проявить своеволие и ускориться, но стоять несколько циклов деревом в лесу самоубийц не хотелось. Позволить себя убить? Да, возможно. Но при соблюдении одного условия его смерть вполне могла стать окончательной. Когда вместе со смертным телом погибала и суть демона.

Не этого ли добивался Берит? Тогда первых подселенцев с приказом найти и взять в плен красный воин уже выслал. В мире людей их запах ощущался слабее, чем в Аду, но была еще печать на шее. Вблизи от тех, кто на самом деле мог причинить вред, она болела. Данталион уже смирился, что спать придется с кинжалом под подушкой и оборачиваться на каждый шорох. А еще выполнять приказ Владыки – не давать слугам Темных слишком много свободы. Девять кругов Ада, как? Любимая зачарованная коса осталась у Аманды, а людские мечи, копыя и стрелы слугам Темных были нипочем. Голыми руками их выдавливала обратно к хозяевам?

– А почему нет? – сам себя спросил Данталион и щелкнул пальцами.

Сила Ада отзывалась, как прежде, с урчанием сытой кошки наполняя тело жаром. Кровь на запястье запеклась, холод больше не докучал и, казалось, что за спиной расправляются крылья.

– Я – Данталион, – тихо сам себе напомнил герцог. – Демон, толкающий людей на преступление, достающий все самое худшее, что есть в глубине их душ. Многоликий герцог. Один из Великих. Мне не нужно оружие. Но помыться, переодеться и выспаться очень бы пригодилось.

Дверь в сарай распахнулась от удара. В тусклом свете пасмурного дня в бесформенных кучах угадывался стог сена, крестьянская кровать и полки с плетеными корзинами. Внутри нашлась глупая женская мелочевка: обрезки веревок, лоскуты кожи, мелкие камни и причудливые деревяшки. Добавить заклинаний и получатся амулеты. Все-таки мастерская здесь была у Изабэль. А на кровати, наверное, спал её муж, когда не сходил с властной супругой характерами.

– И мне досталась её дочь вместе с договором, – усмехнулся герцог. – Нужно было её заставить отмывать с меня грязь. Должен же я хоть какое-то удовольствие получать от нашей связи.

Глава 7. Демон против белых ведьм

Мокрая ткань платья противно хлупала по ногам. Я десять раз пожалела, что уговорила Жизель не одевать меня в двадцать нижних юбок и панталоны. Может, было бы не так холодно как сейчас. Купание в грязи даром не прошло. Выглядела я хуже крестьянки, вернувшейся с работы в поле. И уж точно не как наследница одной из старших Ковена. Не знаю, как ведьмы чувствовали приближение друг друга, я просто услышала недовольные голоса из гостиной и зло зашипела на Жизель, когда она с порога бросилась ко мне:

– Не сейчас.

Молчаливая помощница тут же исчезла, а я замерла перед закрытой дверью. В конце концов, это просто женщины. Не лучше и не хуже тех, с кем я жила в своем мире. И обращаться они будут со мной так, как я позволю. Оправдываться мне не в чем. Я выполнила желание Аморет избавиться от адовых подселенцев, заключила союз с демонами и не слишком поругалась с Темными при этом. А что следом за мной из Междумирья притащился герцог Ада, так то приказ Владыки, я здесь при чем? И личная воля Данталиона. Кто я такая, чтобы спорить с настолько серьезными мужчинами?

– Селеста, не стой на пороге, – грозно сказала в гостиной Аморет. – Я давно знаю, что ты здесь.

Черт, у неё везде камеры висят? Или служанки настучали? В собственном доме покоя нет.

– Иду, – не слишком вежливо ответила я и открыла дверь.

За столом сидели три ведьмы и делали вид, что пьют вино, закусывая сыром. А как же здоровый образ жизни? Вы же через одну целительницы и врачевательницы. Или вино тут алкоголем не считалось? Морсик виноградный для аппетита перед поеданием молоденькой нахалки. Очень грязной, мокрой и уставшей нахалки.

– На кого ты похожа? – брезгливо поинтересовалась Камилла, разглядывая мой наряд.

Аморет комментарии оставила при себе, а третья ведьма изображала статую. На заседании Ковена я её не видела. Волосы она прятала под платком, платье носила самое простое. Мне даже показалось, что за стол усадили служанку, но потом я заметила десяток браслетов-амулетов у неё на запястьях. Ох, пора уже справочник завести по специализации ведьм и личному составу Ковена. Какая-нибудь смотрительница или борец с демонами. Амулеты у ведьм вместо доспехов, а упакована она ими по самые брови.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – прикрикнула Аморет.

– И вам добрый день, Верховная, – съязвила я. – Выгляжу так, потому что справилась с заданием Ковена, и теперь меня ждет с водой и одеждой Великий

герцог Ада мессир Данталион. Ничего нового к тому, что вам уже рассказала Камилла, я не добавлю и отвечу сразу на все вопросы: «Нет, мне не стыдно». Все. Я могу идти?

Камилла чуть не задохнулась от возмущения, а третья ведьма с улыбкой опустила взгляд. Подруга Селесты? Блин, в новом мире на каждом шагу сюрпризы и непонятки. Ладно, если подруга, то сама подойдет, первой не полезу.

– Мессир Данталион жив? – удивленно выдохнула Аморет и, видимо, от новости её бросило в жар, потому что Верховная схватила кубок с вином и жадно из него отхлебнула. – Двоих протащил. Девчонка невредима. Силен. Очень силен.

– Жив, – эхом повторила я, – зол, раздет и требует воды. Так я пойду?

– Не смей! – взвизгнула Камилла. – Если тебе плевать на свою репутацию и честь семьи, то мне нет. Незамужняя девушка вдвоем с обнаженным мужчиной! Слухи поползут на весь Брамен! Ты останешься дома под замком! Завтра же Филипп найдет тебе жениха. Забудь про герцога Ада и благодари Белую магию, что тебя до сих пор не выгнали из Ковена. А теперь бегом в свою комнату! Пошла вон.

В ответ я только крепче сжала кулаки и вытянула спину. Камилла на совете хныкала и тряслась от страха, зато теперь перед Аморет изображала из себя матерую ведьму. Конечно, орать на племянницу гораздо легче, чем возражать Владыке Ада и главе Темных. Еще неизвестно, что она там наплела про совет, и в каком свете меня выставила. Тоже мне командир. Младшей сестре матери в её доме слова не давали. Я – наследница и хозяйка всего. К тому же, если я лично не принесу Данталиону одежду и воду, то удавка на шее не даст мне даже по лестнице подняться в спальню. На ступенях замертво упаду. Договор, однако. И ведьмам про него знать не нужно. Поэтому буду парировать и наезжать в ответ:

– Когда и за кого выходить замуж, буду решать я. Не спрашивая вашего мнения, тетушка. Проблему с герцогом Ада я с удовольствием передам Ковену. Даже не собиралась общаться с мессиром дольше положенного обычаями гостеприимства. А теперь я выполню долг хозяйки дома и отнесу гостю одежду, чтобы он не замерз насмерть в нашем сарае. И сюда не примчались легионы демонов, чтобы отомстить за господина. Всего доброго. Да благословит вас Белая магия.

Камилла лишилась дара связной речи. Хрюкала, булькала и пыхтела, но я не стала её слушать. Развернулась и пошла прочь из гостиной, но допустила маленькую оплошность. Забыла про Верховную и про то, что разговариваю с ведьмами.

Дверь с грохотом захлопнулась прямо перед носом, а за спиной раздался голос Аморет:

– И все-таки я настоятельно прошу тебя задержаться, Селеста. Не заставляй Белинду вешать на тебя заклинание цепей.

Так вот, кто дверью хлопнул. Мда. А я думала, ведьмы только зелья варят и порчу наводят. Ничего себе. С такой лучше дружить, даже если до этого мы общались, как знакомые.

– Стою, Верховная, – смиренно ответила я и повернулась обратно.

– Передай мессире, что мы ждем его сегодня ночью на Совете Ковена, – сказала Аморет. – В моем доме. Тебе действительно не стоит принимать его у себя, пока не выйдешь замуж. И одежду мы для него подготовили. Белинда?

Боевая ведьма достала из-под стола сверток и принесла мне.

– Здесь бриджи, камзол, рубашка, туфли, – сказала она почему-то шепотом. – Надеюсь, угадала с размером. Пришлось поторопить портного, одежду шили для моего Луи. Теперь в ней будет ходить герцог Ада.

Глаза у белой ведьмы сияли ярче звезд. Будто мы говорили не о высшем демоне, а о кумире молодежи, который по чистой случайности забрел в наше захолустье. Крайне странное отношение для ведьмы, но мне было некогда разгадывать ребусы.

– Спасибо, – буркнула я, забирая сверток. – Белинда, скажи, а сколько нас не было? Пару часов?

– Два дня, – смущенно улыбнулась она. – Мы уже не чаяли дожждаться.

От шока я открыла рот, но ничего сказать не смогла. Так и вывалилась спиной в открытую дверь. Не кисло меня помотало по Междумирию. Два дня! А ведь могла и не вернуться. Уф, до меня только сейчас дошло, что довелось пережить, и ноги подкосились. Больше никаких демонов. Хватит. Отдам одежду, и пусть гуляет!

В грязном платье Жизель меня к герцогу не отпустила. Раскорячилась в позе морской звезды, и пришлось уступить. Переодеться. Я пошла за ней в гардеробную и долго фыркала на богатые платья с изысканной вышивкой. Как могла на пальцах объясняла, что на поле грязь, идти я обязана одна и вернуться, скорее всего, такая же чумазая, как сейчас. Не портить же местное добро. Я хорошо понимала, сколько денег и трудов стоил один такой наряд. В итоге я показала на невзрачный брючный костюм, но Жизель испуганно округлила глаза и запрыгала на месте, держа руки перед собой. Что за клоунада? Почему она скачет, как лошадь? А, поняла. Костюм для верховой езды.

Кстати о лошадях. В приказе звучало «принеси мне», но ни слова не говорилось о том, как я должна добраться до сарая. Зачем снова идти под дождем по колено в грязи, если можно доехать в повозке? Герцог еще и спасибо скажет, когда с комфортом прибудет в дом Аморет на Совет Ковена.

Сплошные совещания. За то время, что я живу в теле Селесты, будет уже третье. И, главное, толку от них не больше, чем в моем мире. Телефон, скайп-конференция, электронная почта, наконец, решили бы все проблемы легко. Между мирами перемещаться научились, мертвых оживляли, а нормальную коммуникацию до сих пор не наладили. Даже Гарри Поттер пользовался совиной почтой и напрочь игнорировал сотовую связь. Какой смысл тогда от магии? Дань традициям, любовь к антиквариату? Ох, не тем занимались белые ведьмы. Даже наша Баба Яга до наливного яблочка и блюдца с голубой каемочкой додумалась, а эти только и умели, что по ночам на посиделки собираться. Женщины. Ведьмы.

До сарая я доехала где-то через час. Оставив Жизель с кучером, взяла сверток с одеждой в одну руку, а ведро с водой в другую и деликатно постучалась в закрытую дверь. Через щели в досках пробивался яркий свет. Данталион там,

что ли, костер жег или шабаш устроил? Как у демонов сборища называются? Сейчас зайду, а там уже все легионы в сборе.

– Мессир, – откашлялась я и свет погас.

Ой, спугнула? Нет, дверь со скрипом отворилась прямо в темноту. В засаду заманивал? Демон проклятый. Надоело его бояться.

– Жизель, дай фонарь, – приказала служанке и она протянула мне дырявую жестянку на палке, внутри которой горел огонь.

Обалдеть. Нет, я сдохну в этом бытовом аду. Желтое пятно едва разгоняло ночную тьму и, как я не размахивала жестянкой, дальше собственного носа не видела. Чувствовала себя при этом героиней фильма ужасов. Шаг, еще шаг, напряженная музыка, зрители, забывающие жевать попкорн, и тут вспышка, рык, визг, хрусь и нет героини. Брррр.

– Мессир, я вам одежду принесла! – громко крикнула и замерла с дрожащими коленями. – Ну, хватит уже мне нервы мотать, в самом деле! Взрослый демон, герцог Ада, а в прятки играете, как пацан дворовый...

– Тише, – раздался мужской голос. – Я не глухой. Закрой дверь и фонарь потуши.

Он издевался? Может, демоны и видели в темноте лучше кошек, но я-то нет!

– И не подумаю! К чему такая секретность? Без штанов я вас уже видела.

– Дело не в штанах, – холодно ответил демон, а из недр сарая действительно потянуло зимней стужей.

Я будто примерзла к полу, от озноба застучали зубы. Вдруг вспомнилось, что я принесла одежду древнему и страшному злу, которое только притворялось человеком. И ни один камзол и светский разговор этого не изменит. Захочет – убьет. И кучер со служанкой даже из повозки выйти не успеют. Порыв ветра с улицы захлопнул дверь. Фонарь с грохотом упал на пол, рассыпав искры. Я осталась в крошечной тьме одна с демоном, и за мгновение до истошного визга в углу вспыхнул свет. Прямо в ладони Данталиона.

– Смотри, – прошептал герцог и поднял руку выше.

Бледное пламя, совсем не похожее на адов пожар, как вода растеклось по потолку и застыло в сияющих символах. Было чертовски красиво. Словно в средневековые раздобыли флуоресцирующую краску и расписали сарай.

– Что это? – выдохнула я, подходя ближе.

– Язык Темных. Я вас хотел спросить, что ритуальные надписи колдунов делают в сарае вашей матушки?

Шикарный вопрос. Хотела бы я знать на него ответ. Но матушка была не моей, и сарай я видела второй раз в жизни.

– Мама часто бывала на Совете Междумирья, – осторожно предположила я. – Может, она отсюда туда переносилась?

– Нет, – подумав, ответил, герцог и склонил голову на бок. – Это не стационарный портал. Ритуал будто сам себя исполняет, не видел раньше такого. Могу ошибаться, но речь о подселении слуг в тела людей. Вот эта вязь.

Он ткнул пальцем в скопление причудливых завитушек, напоминающее татуировки на телах колдунов, но я даже не пыталась что-то понять. Все равно, что читать гуманитарию теорию вероятности или математику обычаи древних народов. Не в зуб ногой. А демон образован для средневекового жителя. По крайней мере, всеми языками с Совета Междумирья Данталион владел в совершенстве.

– Ну, может, и чудили тут колдуны, – беспечно махнула я рукой, – матушка меня в свои дела не посвящала.

– Это заметно, – съязвил герцог, – но с вас спрос небольшой, у меня вопросы к Ковену.

– Кстати, одевайтесь, вас там ждут, – я надула губы на пренебрежительный тон, но выяснять отношения не стала.

Герцог поразительно легко относился к собственной наготe. Я пыталась настроиться на Темных, Ковен, проблемы ведьм, но видела только его фарфоровую кожу в бледном сиянии колдовских символов. И чем сильнее уговаривала себя отвернуться, тем бесстыднее разглядывала совершенное тело. Воду сам нашел или магией воспользовался. Щелкнул пальцами и чист. Ухожен, красив, умопомрачителен. Нет, нельзя о нем думать. Нормальные ведьмы не теряют голову от обаяния демонов. Точно. Сдам его Аморет, и пусть разбираются с символами, колдунами и смертью Изабэль хоть до посинения.

– Есть и вторая новость, – голос демона зазвучал с волнующей хрипотцой, будто житель Ада прочитал мои мысли.

Проклятье, как я могла забыть! Он же это умеет! Удушье накатило, щеки вспыхнули, а герцог протянул руку ладонью вверх и шагнул ближе.

– Ваш порез еще не зажил? Позвольте.

Нет, прикоснуться я к себе не разрешу! Мне прошлого раза хватило, когда договор заставил заключить.

– Зажил, – громче, чем нужно выпалила я и спрятала перебинтованную руку за спину, – Я все-таки целительница, если вы не забыли.

– Врете, – лукаво улыбнулся Данталион. – От вас пахнет кровью. И демоном. Не мной, кем-то другим. Протяните руку и не заставляйте меня сочинять еще один приказ. Это утомляет.

Голый герцог в промерзшем сарае чувствовал себя так вальяжно, что я позавидовала. Стояла перед ним, закутанная в тряпки, и зубами стучала то от холода, то от страха. Гад демонический, что ему от меня нужно?

– Так не сочиняйте, раз утомляет, – раздражилась я. – Вы специально заключили договор, чтобы лапать приличную девушку в любое время суток? Я вам не служанка и не шлюха портовая. Держите руки при себе, если хотите, чтобы мы и дальше сотрудничали. Я не продавала душу и на мое тело вы тем более прав не имеете. Вы слышите меня, Данталион?

Последняя фраза прозвучала особенно жалко и беспомощно, потому, что демон молча шел ко мне через весь сарай и остановился, когда я спиной налетела на стену. От герцога пахло мокрой землей, а в глазах плясали изумрудные искры. Плевал он на дистанцию и руки при себе держать не собирался. Пальцами холоднее льда сжал мои запястья. Еще полшага и обнимет. Я не выдержу. Ничего сделать не смогу. Слишком хорошо помню его хватку и лезвие на моей ладони.

Голос пропал. Я хотела крикнуть, но только хрипло закашлялась, а потом наваждение исчезло. Просто наглый демон, не желающий понимать слово «нет».

– Я вам метлу об хребет сломаю, если тронете, – пригрозила ему и дернулась изо всех сил. – Беречь ваше здоровье я не клялась.

– Напрасно, – демон только усмехнулся, но отпускать не стал. – Потому что придется. Сейчас объясню, не дрожите.

Вывел мою раненую руку из-за спины, мастерски размотал повязку и дернул присохшую к порезу ткань.

– Ай!

– Тише. Это не больно. Разве что чуть-чуть.

Герцог поднес к губам мою ладонь с каплями крови и лизнул их. До того странное ощущение прокатилось по телу, что голова закружилась. Колдовал проклятый. В тумане мне чудилось звучание языка демонов, я качалась на волнах и не знала, где в сарае пол и потолок. В полусне явилась мертвая Изабэль и еще одна ведьма. Древняя, как Аморет, и такая же злая. Они смотрели виновато, но я не понимала почему.

– Снова... ритуал... на крови, – как пьяная пробормотала я.

– Простое любопытство, – ласково ответил герцог. – Ваша бабушка когда-то согрешила с демоном, и частица силы Ада проявилась не в её дочери, а во внучке. Мы похожи, мадемуазель Дюбуа, гораздо сильнее, чем вам кажется. Забудьте дар целителя, у вас иная стезя. Способность управлять силой Ада,

видеть подселенцев, наводить порчу, насылать безумие и делать все то, за что вас обязательно выгонят из Ковена, если узнают.

Можно подумать я мечтала о чем-то другом. Я сейчас про Ковен, а не про силу Ада. Мне все время угрожают, что выгонят и никто не спросил, а нужен ли он мне вообще? Селесту ведьмы ненавидели. Может быть, потому что чувствовали печать греха, доставшуюся от бабушки. Но ведь это врожденное, как раньше не заметили? Аморет впервые пришла в дом Дюбуа после смерти Изабэль? Запах демона от её дочери больше никто не чувствовал? Ерунда какая-то. Не сходилась предположение с фактами.

– Герцог, вам не кажется, что объятия голого мужчины – не лучшая декорация для подобных новостей? – прошипела я, снова пытаюсь выдернуть руку. – Вы клевете на порядочных белых ведьм, коими несомненно являются женщины трех поколений рода Дюбуа. И почему я должна вам верить? Вы что-то там распробовали у меня в крови, сделали выводы и ждете, что я из белой ведьмы превращусь в черную?

– Не жду, – внезапно оборвал демон и продолжил жестким тоном. – Я не хочу оставлять за спиной ту, что из-за чужой ненависти будет готова проткнуть меня кинжалом. Ведьмы семнадцать весен внушали вам, что Ад – абсолютное зло, а сами устраивали оргии с высшими демонами и в итоге подружились с Темными. Вы ввязались в опасную игру, так будьте в ней фигурой, а не пешкой. Я предлагаю больше, чем договор на крови. Сила Ада в вас ярче белом магии. И только я могу научить, как ею пользоваться.

– А взамен? – выкрикнула я. – У всего есть цена, не так ли? Назовите вашу.

– Ваши глаза и уши, – спокойно ответил демон. – Вместе со способностью чувствовать подселенцев. Когда нас захотят убить, вы предупредите об опасности. Я не всемогущ. Тем более здесь. Моей смерти хотят все, кого вы знаете и те, кого никогда не встретите. И поскольку вы все время будете рядом, не стоит наивно верить, что вас пощадят.

– Я была наивной, когда доверилась вам. Договор ради перехода, поцелуй ради перехода. Теперь вы пугаете смертью. Убить хотят вас, герцог. Не меня. Чтобы выжить, достаточно держаться как можно дальше. Чем я и хочу заняться. Одевайтесь или проваливайте из сарая голым. Я избавлюсь от договора. Сама.

Или подключу весь Ковен! Отпустите немедленно!

Демон так неожиданно разжал пальцы, что я едва удержалась на ногах. Выдохнула зло ему в лицо и отвернулась. На мгновение показалось, что он улыбнулся, но не все ли равно? Рабовладельцем себя возомнил, приказами бросался. Пусть убирается обратно в Ад! Скорей бы его убили. Договор, договор. К черту договор! Любой ритуал обратим. Нет такой ловушки, из которой нельзя выбраться.

Я выскочила из сарая и хлопнула дверью. Захочет на Совет Ковена – выйдет. А нет, так пусть живет здесь и символы Темных читает.

Глава 8. Совет Ковена

Строптивость юной ведьмы звучала вызовом и щекотала нервы. Данталион по аромату жасмина понимал, что интересен ей, как мужчина, но дальше взглядов дело не шло. Уперлась девчонка, нравственность ставила выше желания утолить голод плоти. Не потому ли шарахалась от него, как от пламени? Не глупая ведь, должна понимать, что если родную мать убили, то и с ней могут разобраться. Изабэль явно влезла, куда не просили, и беспечно притащила проблемы в собственный дом. Одна вязь Темных в сарае чего стоила, но Селеста даже бровью не повела. Новых запахов рядом с ней в тот момент не появилось. Действительно осталась равнодушной. Надолго ли?

Герцога злил отказ. Придушить ведьму хотелось, как злил. Уговоры, угрозы и доводы разума не помогли. Может, и правда стоило оставить ведьму в покое, но где он еще найдет такую помощницу? Чудо, что её не убили, как других детей демонов. Или мать семнадцать весен её прятала, или Ковен был в курсе происхождения Селесты, но закрывал на него глаза. Первое, конечно, вероятнее второго. Терпимостью ведьмы никогда не отличались.

– Аморет все также живет в библиотеке? – светским тоном поинтересовался герцог Ада у сидящей рядом с ним в повозке ведьмы.

Простой вопрос, но Селеста вдруг занервничала до устойчивого аромата сандала. Владела собой плохо. Ей бы выпрямить спину и безразлично хмыкнуть, но ведьма втянула голову в плечи, будто боялась удара. Откуда такая острая реакция? У неё конфликт с Аморет?

– Не знаю. Я давно не была у Верховной в гостях.

Забраться в её мысли не получалось. Герцог лишился такой способности после перехода. Несколько раз присматривался то к Дюбуа, то к её слугам – пусто. Жаль, он рассчитывал на чтение помыслов. Без них разбираться в заговоре придется гораздо дольше. Хорошо хоть различать эмоции по запахам не разучился. Даже если их умело прятали, тонкий аромат истинных чувств всегда присутствовал. Кучер, например, неровно дышал к служанке, но отклика от неё не получал. И оба совершенно ничего не чувствовали к странному господину, появившемуся из сарая в центре поля. Уже неплохо. Значит, ведьмы не болтали лишнего и держали прибытие демона в тайне.

– Приехали, – прошептала Дюбуа, качнувшись от резкой остановки повозки.

Герцог вышел вслед за ней к ступеням городской ратуши и усмехнулся. Все-таки библиотека. Аморет любила свой дом, и сейчас Данталион словно путешествовал по волнам её памяти. Строгие линии камня, неровная кладка, уродливые рожи горгулий, выщербленные перила и латунный молоток на двери. Демон знал даже его стук, возвещающий о прибытии гостей. Скучно было на советах Междумирья. Изучал Брамен по мыслям ведьм.

Селеста потерялась, стоило переступить порог ратуши. Слуги остались за спиной, и герцогу пришлось мягко подталкивать её в нужную сторону. В комнаты Аморет вели узкие переходы, едва освещенные лампадами. В самом сердце городской власти пряталась Верховная ведьма. Куда смотрела Инквизиция? Воистину иногда самые удивительные находки лежали буквально под носом.

Комната для Совета Ковена не впечатлила. Чуть беднее, чем могла позволить себе жена одного из городских управителей, и куда церемоннее, чем требовала ситуация. Несколько дней готовились? Полотна по стенам можно было не развешивать и половину свечей задуть. Дышать нечем. Селеста снова потерялась, и Данталиону пришлось первым выходить на центр зала.

Двенадцать ведьм сидели вокруг каменного стола и разглядывали высшего демона в облики обыкновенного мужчины. Презрение и ненависть, густо замешанные на любопытстве, герцог ощущал кожей и без способностей. Каждая готова была разорвать его на куски или хотя бы поставить на колени. Но сил не хватило бы даже у Аморет. Оттого ненависть кипела особенно бурно. Превосходный напиток. То, что нужно после тяжелого перехода.

– Мессир Данталион, – сдержанно поприветствовала его Верховная.

Герцог ждал приглашения сесть, но ведьмы демонстративно убрали все свободные стулья. Мелко.

– Аморет, рад встрече. Знаю, что не взаимно, но такова воля Владыки. Вы хотели показать мне город? Скрасить вынужденное пребывание компанией первых красавиц Брамена?

На грубую лесть половина ведьм поморщились, но нашлись те, кто принял комплимент на свой счет. Данталион наполнил легкие воздухом и поймал ноту жасмина с правого конца стола. Одета монашкой ведьма игриво сверкнула глазами.

– Нет, – отрезала Аморет. – Разговор пойдет о другом. Селеста, выйди!

Стебелек дернулась к двери, но демон послал ей в спину очередной приказ.

– Мадемуазель Дюбуа, останьтесь.

Мгновения протеста хватило, чтобы на шее ободом вспыхнула удавка, но именно её белая ведьма и не хотела показывать, поэтому, скрипнув зубами, встала у стены.

– Селеста! – с нажимом повторила Верховная. – Ты не принадлежишь к старшим, тебе запрещено здесь находиться. Выйди, я приказываю тебе.

Герцог забавлялся. Стебелек вытянула спину и сжала кулаки. Демон слышал, как его шепотом прокликает та, что толком ругаться не умеет. Смерти ему желала, позорными недугами грозила. Наивное дитя. Если Данталион решил, что

она будет принадлежать ему, как служанка или рабыня, значит, так и будет. И власти Аморет не хватит, чтобы ему помешать.

– Сожалею, Верховная, но сегодня придется сделать исключение, – твердо ответила юная ведьма. – Я причастна к событиям на Совете Междумирья, поэтому мессир настаивает, чтобы я осталась.

– Герцог только гость здесь, – зашипела Аморет. – И будет подчиняться правилам.

– Увы, но снова нет, – усмехнулся демон. Указывать главе Ковена на её место оказалось неожиданно приятно. – За пределами Ада я по-прежнему подчиняюсь только Владыке и на ваши правила мне плевать. Юная Дюбуа не только останется на совете, но и впредь будет сопровождать меня везде, где пожелаю.

На Данталиона волной обрушилось возмущение. Остро запахло полынью, и шорохом мелких камней зазвучал ропот ведьм. Наглец. Что он себе позволял?

Стебелек бледнела и кусала губы. Извините, мадемуазель, нужно было принять предложение в сарае, чтобы не пришлось сейчас объявлять ваш статус на весь Ковен.

– Селеста Дюбуа – свободная белая ведьма. По какому праву... – повысила голос Аморет, но демон не дал ей договорить. Оттянул край рукава и показал шрам на запястье.

– Мы связаны договором на крови. И если вы не желаете смерти наследнице древнего рода, то признаете мое единоличное право распоряжаться ею.

«Это подло, герцог», – сказала Селеста, но тонкий голос утонул в возмущенном клекоте двенадцати озлобленных женщин.

Данталион купался во всеобщей панике и негодовании. От удовольствия хотелось расправить крылья, но пришлось ограничиться расправленными плечами. Аморет осела в высоком стуле. Буря обходила её, как вода камень, но именно в ней боль чувствовалась острее всего. Проглядела. Не уберегла. А хотела ли? Рядом с герцогом Ада запах крови демона от Селесты не ощущался

совсем. Теперь тайну её происхождения еще долго не разгадать, но Дюбуа не скажет за это спасибо. Ничего. Перетерпит и забудет. Жизнь состоит из потерь, Стебелек. Бессмысленно стараться их уменьшить, проще научиться принимать, как можно легче.

– Только ваша хитрость, мессир, и неопытность юной ведьмы позволила этому случиться, – выцедила, как яд, Аморет. Успела взять себя в руки и поспешила если не исправить, то хотя бы сгладить случившееся. – На какой срок заключен договор?

Удовольствие грозило перейти в возбуждение. Данталион прикрыл глаза и облизнулся, позволив едва живой от шока Селеста самой ответить на вопрос.

– Несколько недель? Месяцев? – пискнула она и потерялась за ароматом кунжута. У неуверенности чуть горьковатый привкус. – Откуда мне знать, на сколько дней заключается договор?

– Вы забыли об этом, когда произносили клятву, – так ласково, как умел, ответил герцог. – Поэтому договор будет связывать вас, пока кто-нибудь из нас двоих не умрет.

Ухмылку с лица демона хотелось содрать вместе с кожей. Чем громче возмущались ведьмы, тем сильнее он жмурился от удовольствия, как сытый кот. Нет, хорек. Хищник, забравшийся в курятник. Вот он лениво облизывается и решает, кого сожрать первой. Мною давно закусил и мысленно похрустел косточками. Чья теперь очередь? Аморет? Верховная была на себя не похожа. Сгорбилась и зачала, будто из неё разом вытянули все силы. Белинда? Охотница восторженно ловила каждое слово демона и смотрела на него влюбленными глазами. Дура. У всех красавчиков души чернее ночи, а перед ней стоял настоящий герцог Ада. Злобный, коварный и совершенно невыносимый.

Да, я сама виновата, что забыла про срок договора. Это даже не мелкий шрифт на последней странице с дополнительными условиями, а основа основ. Уперлась

в причинение вреда, выкручивала формулировку и промахнулась мимо главного. Идиотка. Заполучи последствия. Расхлебывай, не подавись. Вместо формальности ради перехода домой получила пожизненный абсолютный плен. Пока смерть не разлучит нас. Моя, разумеется, демонический мерзавец живет вечно.

Ведьмы разбушевались не на шутку. Я сполна ощутила, что такое всеобщая ненависть. Удерживало на месте их только чудо, но двенадцать пар рук тянулись к моему горлу, чтобы задушить. Одна предложила немедленно отправить меня на костер, чтобы тень от позорного поступка не легла на Ковен. Спасибо. Век не забуду вашей доброты и участия, товарищи белые ведьмы.

– Тихо! – остановила разговоры Аморет и подняла взгляд на демона. – Мессир, насколько я знаю, смертное тело для вас – временное пристанище. Когда вы решите убраться восвояси для плоти это будет означать смерть. Верно?

Надежда затеплилась в груди теплым котенком и мурлыкала мне на ухо, что не все потеряно. Демон скривился и нехотя кивнул. Аллилуйя! Мамочки, какое облегчение! Дай я тебя поцелую, Аморет! Какая же ты умная! Черт, а ларчик просто открывался. Герцог не будет сидеть в нашем мире вечно, закончит дела, и Владыка потребует его назад. Тем более Данталиона кто-то хочет убить. Чиркнут по горлу мечом в грязной подворотне, и нет смертного тела. Демоническая сущность умчится в Ад, а удавка на моей шее исчезнет. Да! Да! Да! Есть справедливость в этом мире!

– Я ни в коем случае не желаю вам смерти, мессир, – тонко улыбнулась Аморет, – но хотелось бы знать, когда вы сочтете миссию в Брамене исполненной?

Разговор с моей персоны плавно перешел в деловое русло и ведьмы успокоились. Хотя и продолжали метать острые, как бритва, взгляды. Данталион тоже подобрался, хмуро сдвинул брови и ответил:

– Благодаря юной Дюбуа Темные получили дозволение совета отправлять в Брамен новых слуг...

– И мы успешно справлялись с ними сами, – перебила Аморет. – Самозванные пророки и целители ведут себя тихо, чего не скажешь об исчадиях Ада. Ваши слуги творят бесчинства, мессир, под заверения совета о дружбе и помощи. Вы

очень нас обяжете, если уйдете обратно в Ад, прихватив с собой всех подселенцев.

Герцог сложил руки на груди и склонил голову на бок. Задумчивость изменила его, добавив мягкости в черты лица и успокоив фон вокруг. Я была готова поклясться, что Белинда таяла и умилялась. Поразительное влечение для белой ведьмы. Мотыльки летели в открытый огонь, тщательнее обдумав поступок. Что ж, готова уступить ей внимание герцога. Пусть забирает. Я уже не знаю, как от него избавиться. Чем сильнее пытаюсь отстраниться, тем крепче он к себе привязывает. Сдалась ему молоденькая Селеста, что он в ней нашел? Смазливое личико? Так Белинда посимпатичнее будет, если причесать, накрасить и переодеть из невзрачных тряпок в приличное платье. Способности? Не смешите меня, Данталион сам велел про них забыть. Судя по ровному рубцу на запястье, с заживлением ран герцог справлялся и без целительницы. В помощницу я не верила. А вот в подставную жертву для тех, кто за ним охотится – вполне. Но стоило вернуться мыслями к теме разговора на Совете Ковена. Тем более демон заговорил:

– Не с того берега вы ждете опасность, Аморет. Слуги Темных – не простые целители и пророки. Как вы думаете, сколько их ходит по Брамену?

– Пятнадцать, – осторожно ответила Верховная.

Интересно, знала заранее или только что посчитала в уме?

– Триста сорок восемь, – поправил её демон, – а будет в десять раз больше. Город наводнят религиозные фанатики, готовые растерзать любого, на кого укажут их лидеры. Вы готовы к новой Охоте на ведьм?

В зале совета стало удивительно тихо. Впервые с того момента, как я переступила порог. Ведьмы ошарашенно переглядывались и беззвучно шевелили губами, как выброшенные на берег рыбы. Три тысячи четыреста восемьдесят фанатиков в Брамене? Да это едва ли не весь город. Я уже представила толпу с вилами и факелами, штурмующую дома ведьм. Глава Темных решила избавиться от Белого Ковена? Seriously? Да чем же ей помешали белые ведьмы? Ведь, судя по ответу Аморет, они даже не знали о деятельности Темных. Я не сильна в политике, но такой геноцид – явный перебор.

– И что вы предлагаете нам сделать, мессир? – тихо спросила верховная ведьма.

– Вам ничего, – пожал плечами герцог Ада. – Слуг Темных слишком много. Даже у меня уйдут годы, чтобы найти всех и выдворить обратно в их мир. Но можно уничтожить их лидеров. Без твердой руки и пламенных речей фанатики просто ворчливый сброд. Лидеры сбивают их в толпу и делают опасными. Я готов вам помочь, Аморет.

Верховная застыла безмолвной статуей. Ахнули ведьмы за круглым столом. Белинда удивленно заморгала. Да, герцог Ада немного сошел с ума. В одиночку собрался идти против Темных ради ведьм, готовых его растерзать.

– Какова ваша выгода? – задала логичный вопрос Аморет.

– Наши интересы совпадают, – медленно проговорил герцог, – демоны тоже хотят избавиться от Темных.

– Разве вы не союзники?

Вот кстати да. Как делить мир, будто пирог, так договорились, Совет Междумирья состряпали, радостно кивали и поддакивали друг другу. А теперь вдруг в Белый ковен пришел высший демон и сказал, что колдуны ему поперек горла. Я не поверила. Ведьмы тоже.

– Не более чем вы с ними, – уклончиво ответил демон. – Темные всегда имели дурную привычку зариться на то, что им не принадлежит. Совет Междумирья создан, чтобы держать их аппетит в узде. Но чем дальше, тем больше проблем они создают.

– С этим трудно не согласиться, – церемонно кивнула Верховная, хотя услышала о проблеме впервые от Данталиона несколько минут назад.

Я допускаю, что целители-Темные и пророки, поднимающие толпу на бунт, ведьмам не нужны, но неужели она решила загрести жар чужими руками? Причем руками высшего демона. Данталион не похож на альтруиста, собравшегося рискнуть жизнью ради блага всего человечества. Демон вообще на редкость эгоистичное создание. Так какого черта она перед ним

расшаркивается?

– Лидеров Темных я буду прогонять сам и в компании юной Дюбуа. – Подытожил герцог Ада. Ага, куда ж я без него? – Договор, если вы не забыли. А потому ожидаю от Ковена в знак расположения всего лишь достойного быта. Смертное тело требует ухода.

Мессир Данталион сверкнул обворожительной улыбкой, и Белинда покраснела. Небось, уже представила, как растирает его плечи после напряженного дня в погоне за Темными колдунами. Набирает ему ванну, готовит чистую одежду. Проклятье, она же замужем! Как можно в открытую клеить постороннего мужика? Я чего-то не понимаю в морали ведьм?

– Мы поселим вас в лучшем доме Брамена, – пообещала Аморет.

– И я буду видеть связанную со мной договором мадемуазель Дюбуа на расстоянии вытянутой руки и с компаньонкой в придачу? – возмутился демон. – Не для этого я мешал кровь с ведьмой. Благодарю, но я предпочту поселиться в её доме.

Он меры вообще не знал? Может, еще и в моей кровати спать собрался?

– Сожалею, но это невозможно, – твердо заявила Аморет. – Мадемуазель Дюбуа – молодая незамужняя девушка. В глазах жителей города чужой мужчина, проживающий в ее доме, опорочит честь семьи. К тому же, мессир, не думаю, что Селесте нравится эта идея.

Неужели моё мнение кого-то интересует? А, нет, все в порядке, Брамен не рухнул, в Ковене все по-прежнему. Верховная смотрела только на Данталиона, а демон на неё.

– Это ваши проблемы, Аморет. Назовите меня двоюродным дядюшкой, приехавшим издалека погостить.

– Да, конечно, – не выдержала я, – А лучше братом-близнецом, пропавшем без вести много лет назад. Вы чем-то похожи на моего отца.

– Прекрасная мысль, – оскалился демон.

Я набрала в легкие воздуха, чтобы послать его далеко-далеко, но промолчала. Воспоминание об удавке на шее было слишком свежо. Сейчас добавит к фразе: «Это приказ», и действительно будет изображать брата-близнеца, хотя ему все равно, кого. Я уже привыкла к мертвой хватке демона. Если он чего-то хочет, обычно получает. Ладно, здесь можно уступить. Не хочу скандалить и корчиться потом от удушья на глазах у других ведьм. В конце концов, дом большой, слуги туда-сюда шныряют, наедине мы не останемся.

– Хорошо, – сдалась я, – приму вас в своем доме как троюродного брата отца. Наверняка такой родственник в семье найдется и подозрений не возникнет.

– Селеста! – почти закричала Аморет. – Ты в своем уме?

– Верховная, – почтительно склонила голову Белинда. – Селеста – полноправная белая ведьма. Если она решила назвать гостем демона, то Ковен должен уважать ее выбор. Стоит лишь напомнить о наших законах и наказаниях, положенных за нарушение.

Вот уж влезла, так влезла, а с виду приличная охотница на демонов. Я не ожидала поддержки, поэтому тупо на неё уставилась, приоткрыв рот. Нет, с Белиндой нужно наладить отношения как можно скорее. Раз она старшая Ковена и к её мнению прислушиваются, то я могу приобрести ценную союзницу. Что она там говорила про законы? А, черт, как же не хватает гугла!

– Я помню законы и не собираюсь их нарушать, – обернулась я к Аморет. – Если герцог станет жить в моем доме, то будет на виду у тетушки Камиллы, а уж она не позволит ему позорить честь семьи и творить в городе бесчинства.

Иногда и личная домашняя заноза в помощь. Услышав имя Камиллы, Верховная немного расслабилась. Да, тетушка будет со свечкой стоять над постелью герцога каждую ночь, лишь бы там не оказалось ни одной служанки или ведьмы. Данталион еще не знал, с кем ему придется делить кров. Хотела бы я послушать их перепалки. Почему-то казалось, что герцог за словом в карман не полезет, а Камилле останется только багроветь от ярости и орать, срывая голос. Ладно, уговорили, потерплю присутствие демона.

– Да будет так, – согласилась Аморет.

– Прекрасно, – улыбнулся демон. – А сейчас, если позволите, мы с мадемуазель Дюбуа вернемся в повозку и отправимся домой. Как у вас говорят, я притомился с дальней дороги.

– Разумеется. Объявляю заседание Ковена закрытым.

Пока ведьмы вставали со стульев и возносили хвалу белой магии, я протиснулась вдоль стены к Белинде.

– А какой закон я могу нарушить, приняв у себя демона? – прошептала над её ухом.

– Тот самый, – не меняя выражения лица, ответила ведьма. – Отдашь герцогу невинность – вылетишь из Ковена.

Угу, напугала ежа обнаженными ягодицами. Я невинно хлопнула ресницами и уточнила:

– Так ведь это неплохо. Стану свободной ведьмой.

– Ты станешь мертвой ведьмой, – холодно ответила Белинда. – Исключенных из Ковена отдают в руки Инквизиции. Так что если хочешь жить, забудь про герцога.

Глава 9. Демон в доме

Ведьмы расходились с Совета Ковена, а демон жаждал поговорить с Аморет лично. Верховную пришлось догонять и аккуратно ловить за локоть.

– Мессир? – нехотя обернулась она.

– Вы тоже боитесь оставаться со мной наедине или кристально честное имя все стерпит? – лучезарно улыбнулся герцог.

– Отчего же. Пока вы держите себя в рамках, мы можем говорить.

– Разве когда-то было иначе?

Строгость и холодность Верховной оказались напускными. Демон по запаху настурции чувствовал испуг. Однако умение Аморет держать себя в руках вызывало уважение и малую толику зависти. Данталион умел бы так же, не бурли в его крови сила Ада.

– Вы пришли просить новых привилегий? – вполголоса спросила Верховная. – Из тех, что мужчины не произносят вслух в приличном обществе? Извините, но продажных женщин у меня нет. Вам придется самому искать их на улицах Брамена.

А вот это уже можно принять за оскорбление. Высшие демоны не опускались до проституток. Данталион хотел уточнить, что обойдется белыми ведьмами, но прикусил язык. Сейчас конфликт с Аморет не нужен.

– Нет, у меня вполне деловой вопрос, мадам. В сарае мадемуазель Дюбуа я нашел престранные надписи на языке Темных. Обычный сарай, сено, солома, а на потолке ритуальная вязь. Вы случайно не знаете, как она там оказалась?

Запах настурции стал резче, но Верховная ответила так отстраненно, будто они обсуждали погоду:

– Мать Селесты была старшей охранительницей, я доверяла ей. Возможно, Изабэль испытывала новые чары против Темных, поэтому учила язык и рисовала символы. Вреда её занятия не приносили, иначе мы бы заметили.

Герцог взял паузу. Несколько мгновений тишины с задумчивым взглядом, но за это время чуть не задохнулся от настурции. Сердце Верховной с оглушительным стуком гоняло кровь по венам. Можно научиться стоять ровно, отвечать безразлично, но отклик тела не обманешь. Зрачки расширены, дыхание сбито и, если взять ладонь Верховной для поцелуя вежливости, то можно почувствовать

влагу на коже. Такая нервозность – почти признание, что Аморет не только знает о ритуале в сарае, но и замешана в истории вокруг него. Сейчас важно не спугнуть. Равнодушно пожать плечами и вежливо удалиться. Для обвинений нужны доказательства, а у Данталиона кроме символов в сарае ничего нет.

– Наверное, вы правы. Изабэль была талантливой ведьмой, насколько я могу судить. Жаль, что Край усопших принял её слишком рано.

– Да, большая потеря для Ковена и всех нас. Изабэль была прекрасной ведьмой. – Аморет мгновенно изобразила дежурную скорбь, но приличествующий ей запах эвкалипта не появился.

Играла. Ничуть ей было не жаль. И с этим тоже стоило разобраться. Если ведьмы успели договориться с Темными за спиной Владыки Ада, то строптивая Изабэль своим желанием перечить на совете могла все испортить. Вовремя умерла, не так ли? Неужели Аморет лично приказала подсыпать яд? Однако. Интриг уже хотелось поменьше, а он и дня в Брамене не провел.

– Кланяюсь и удаляюсь, мадам. И все же благодарю за гостеприимство.

– Надеюсь, вы у нас долго не задержитесь, – сухо ответила Верховная, и на этот раз видимые эмоции совпадали с истинными.

Меньше всего меня волновала реакция на демона домочадцев Изабэль. Пусть Камилла лопнет от негодования, а Филипп прочтет мне лекцию о нравственности, молча кивну и пойду спать. В конце концов, скоро утро, а я весь день провела в компании герцога Ада. Устала, знаете ли.

Но проблемы пришли оттуда, откуда не ждали. Андрэ. Старший брат демонстративно не поприветствовал Данталиона, и все время, пока я рассказывала сказку о троюродном дядюшке, злобно зыркал на него из угла гостиной. Так смотрел, будто видел за спиной демона гигантские крылья и рога на лбу. А ведь белая магия не передавалась по мужской линии. Старший брат

Селесты гарантированно был обычным человеком, однако это не отменяло интуицию и природную подозрительность. Не вовремя он чуйку включил, ох не вовремя.

– У месье Делорне здесь важное дело, – продолжала сочинять я легенду для демона, попутно кося под дурочку. – Мама обещала принять его, а я совсем забыла о письме. Спыхватилась только, когда столкнулась с ним на ступенях ратуши. Жан Аллар пытался узнать дорогу к лавке часовщика Дюбуа. Неловко получилось.

Я напряглась, задержав дыхание, чтобы щеки покраснели. Вроде как мне стыдно. Камилла громко фыркнула. Она прекрасно знала, кого я привела с заседания Ковена. Стояла багровая от злости. Не взорвитесь, драгоценная родственница, я сама не в восторге от навязанного гостя.

– Простите мою дочь, Жан Аллар, – вежливо извинился Филипп за непутевую Селесту. – Не знаю, как ваше письмо прошло мимо меня, наверное, наша служанка Жизель отнесла его сразу на стол к Изабэль. А я после смерти жены никак не вернусь к делам.

– Соболезную вашему горю, кузен, – ответил герцог. – Смерть Изабэль – жестокий удар для всех нас.

Зараза, играл, как народный артист СССР. Убедительно. Демон вообще чувствовал себя в компании людей удивительно легко и свободно. Будто на самом деле приходился Филиппу дальним родственником. Даже осанку держал с достоинством обнищавшего аристократа. Хотя его происхождению и древности рода позавидовали бы сразу оба королевства. Фантазмагорическая ситуация. Ведьма и демон на показ скорбели о женщине, которую едва знали. Ложь росла снежным комом. Фальшивая дочь, фальшивый кузен, ненастоящий повод для визита. Но, черт возьми, играть, так играть! Я ущипнула себя на нос, делая вид, что прячу слезы. Молчу и страдаю.

– Благодарю. Это действительно страшная потеря, – сдержанно ответил Филипп и отвел взгляд.

Пока длилась пауза, Андрэ закипал все сильнее. Того и гляди бросится проверять, что у свежеприбывшего родственника под камзолом. Хорошо, что

хватило воспитания не лезть с допросом. И даже Камилла терпеливо ждала, пока демон закончит приветственную речь, а Данталион продолжал блистать в амплуа убитого горем кузена:

– Сожалею, что опоздал на похороны. Вести до наших краев идут долго. Могу я возложить цветы к могиле Изабэль? Она ведь похоронена в семейном склепе?

Что еще за новости? Зачем тревожить мертвую ведьму? Не дай Белая магия, эксгумировать будет. Ожившего трупа Изабэль на ранней стадии разложения я не перенесу! Мне хватило кошмаров с её укоризненным взглядом и чувством вины, что подменила собой дочь. Никакой некромантии в доме Дюбуа!

Я дернулась возразить, но Филипп заговорил быстрее:

– Да, конечно, Жизель проводит вас завтра. А сейчас я распоряжусь, чтобы вам подготовили комнату.

Герцог едва заметно нахмурился, и я машинально потерла шею. Сейчас взбесится, что я не пойду с ним. Ну, точно.

– Селеста обещала сопровождать меня.

Ага, два раза. Да еще и в письменном виде с отметкой о получении. Но пока герцог жив, я обречена потакать его прихотям. Позже разберемся за этот поход в склеп. Без посторонних.

– Я снова забыла, отец, – глупо улыбнулась я. – Конечно, обещала, и будет невежливо отказываться от своих слов. Дозволь пойти.

Опять эти муки соблюдения нравственности! Филиппа аж передернуло, и Камилла победоносно вскинула голову. Гори синим пламенем девственность, когда вокруг неё столько танцев с бубном. «Ай-ай-ай, туда нельзя. Ай-ай-ай, сюда нельзя». Нет, я не собиралась расставаться с ней прямо сейчас, но запреты уже бесили.

– При всем уважении, кузен, но я могу отпустить с вами дочь только с компаньонкой. Камилла...

– Служанка меня устроит, – перебил демон. – Не хочу терзать душу сестре покойной, Камилла и так натерпелась горя.

Ловко. Тетушка, наконец, позеленела и покрылась алыми пятнами. Представить страшно, сколько слов крутилось у неё на языке, но вместо неё высказался Андре:

– Жизель я бы тоже с вами не отпустил. Отец, с каких пор мы привечаем проходимцев с улицы?

Да уж, семейка у Селесты. Один другого тактичнее. Андре подошел ближе, и я почувствовала знакомую вонь перегара. Залился вином по самые брови, и потянуло на драку? Неудачно он выбрал соперника. Герцог был выше на голову и мог убить щелчком пальца даже в человеческом облике. Он уже сжал кулаки и замер, как хищник перед прыжком, но Филипп снова оказался быстрее:

– Андрэ, сбавь тон! Что подумает наш гость? Иди, проспись, на ногах не стоишь. По законам гостеприимства в распоряжении месье Делорне все наши слуги. Завтра днем он с Селестой и Жизель пойдет в склеп поклониться твоей покойной матушке. И тебе следовало бы вспомнить, что в доме траур, и не шататься по кабакам.

– В доме вертеп! – огрызнулся Андрэ. – Почему ты не спрашиваешь, где шляется сестрица два дня? Вернулась под утро, притащила с собой невесть кого...

– Разговор окончен, – осадил его Филипп.

Надо же. Без давления жены-ведьмы вдовец тоже мог держать сына в узде или только он это и делал? Изабэль не занималась воспитанием Андрэ? Старший отпрыск Дюбуа вырос пьяницей и лоботрясом. Похвально, что отец все же за него взялся.

Андрэ закрыл рот, но обиду не проглотил. Зыркал исподлобья то на отца, то на герцога. Гаденыш. Нарвется на неприятности, слова Данталиону не скажу. Пусть хоть исчадие Ада в него подселяет – плевать. Не было у меня родственных чувств к брату Селесты. Да и судя по выпадам, они не ладили. Может, он убил сестру в первый раз, а потом и куриные потроха для остальной семьи отравил.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/mescherskaya_sofiya/nevesta-gercoga-ada

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)